

Эволюція литературныхъ и общественныхъ взглядовъ Бѣлинскаго.

Трастное стремленіе къ истинѣ, неустанное исканіе правды красной нитью проходитъ черезъ всю дѣятельность Бѣлинскаго, у котораго слово никогда не расходилось съ дѣломъ, такъ какъ для него „думать и чувствовать, понимать и страдать было одно и то же“.

„Только тотъ не ошибался въ истинѣ, кто не искалъ истины, только тотъ не измѣнялъ своихъ убѣжденій, въ комъ нѣтъ потребности и жажды убѣжденья“¹⁾, эти слова Бѣлинскаго могутъ служить эпиграфомъ всей кипучей дѣятельности нашего критика „исключительно преданнаго правдѣ“ (Тургеневъ), „любившаго истину больше себя“, по его собственному признанію, „и всегда готоваго пожертвовать ей своимъ самолюбіемъ, откровенно признаваясь, что онъ какъ и другіе можетъ ошибаться и заблуждаться“.

Чуждый всего болѣе неподвижности и застою, враждебный „китайскому“ элементу, Бѣлинскій смотрѣлъ на жизнь какъ на „дѣйствованіе и борьбу, какъ на подвигъ“ и видѣлъ всю прелесть и смыслъ ея въ томъ, что она „безпрестанно нова, безпрестанно измѣняется“.

Слова, которыми Бѣлинскій характеризуетъ Бакунина, всецѣло могутъ быть отнесены къ нему самому, такъ какъ отличительной чертой его было „вѣчно движущееся начало, лежавшее въ глубинѣ его духа“, не позволявшее ему „засѣсть въ какое-нибудь узенькое опредѣленіице и блаженствовать въ немъ“, замкнуться навсегда

¹⁾ Статьи о Пушкинѣ.

въ одномъ какомъ-нибудь міросозерцаніи, но заставлявшее постоянно „кипеть его умъ“, критически относиться ко всемъ своимъ убѣжденіямъ и взглядамъ и съ мучительной болью отказываться отъ нихъ, какъ только онъ замѣчалъ ихъ несостоятельность. Результатомъ этой неустанной работы мысли являются рядъ рѣдко противоположныхъ на первый взглядъ періодовъ въ критической дѣятельности Бѣлинскаго, возникшихъ однако далеко не случайно, а вслѣдствіе постепенной, иногда даже трудно уловимой эволюціи его взглядовъ и убѣжденій, связанныхъ однимъ и тѣмъ же неутолимимымъ исканіемъ правды, стремленіемъ примирить идеалъ и дѣйствительность въ одномъ гармоническомъ синтезѣ, сложный, мучительный вопросъ, надъ которымъ всю жизнь бился Бѣлинскій.

Каждый изъ этихъ періодовъ составляетъ новый этапъ въ его развитіи, шагъ впередъ въ сравненіи съ предыдущимъ, такъ какъ онъ по собственному выраженію мѣнялъ „копейку на рубль“.

Сурово встрѣтила жизнь Бѣлинскаго, дѣтство его протекло въ тяжелой и мрачной обстановкѣ постоянныхъ семейныхъ неурядицъ. Мало отраднаго представляло и окружавшее впечатлительнаго мальчика общество, состоявшее изъ городскихъ чиновниковъ и чиновъ полиціи, гдѣ царил мелкіе интересы и взяточничество.

„Съ раннихъ лѣтъ, говорятъ Лажечниковъ, въ немъ накопилась ненависть къ обскурантизму, ко всякой неправдѣ, ко всему ложному“.

То же грубое насиліе и произволъ встрѣтилъ Бѣлинскій и въ школѣ, и хотя самъ не страдалъ отъ него, но глубоко возмущался имъ.

И семья и школа развили въ немъ „ненависть ко всякому насилію и оскорбленію чelonѣческаго достоинства“. „Его сильно возмущала тиранія помѣщиковъ съ крѣпостными людьми“ (Ивановъ) и онъ даже „остерегалъ одну изъ своихъ родственницъ отъ общенія съ однимъ изъ такихъ помѣщичьихъ семействъ“ (Пыпинъ). Въ немъ рано проявился независимый гордый характеръ, и еще 12-мъ мальчикомъ онъ поражаетъ Лажечникова своими самостоятельными отвѣтами, гордой независимостью и глубокимъ чувствомъ собственного достоинства.

Съ юныхъ лѣтъ у Бѣлинскаго проснулась страсть къ литературѣ, въ которой онъ искалъ удовлетворенія своихъ нравственныхъ и эстетическихъ запросовъ и которой впоследствии отдалъ всю свою жизнь, всѣ свои силы. Тетрадь съ выписанными Бѣлинскимъ стихотвореніями свидѣтельствуетъ о томъ, что его вниманіе привлекали главнымъ образомъ стихотворенія, говорившія о высшихъ цѣляхъ и задачахъ жизни. Вопросъ о примиреніи *идеала* и

дѣйствительности съ юношескихъ лѣтъ начинаетъ волновать Бѣлинскаго, Шиллеръ съ его высокимъ идеализмомъ становится однимъ изъ его любимыхъ поэтовъ.

Его вліяніе особенно ярко сказывается въ юношеской драмѣ Бѣлинскаго „Дмитрій Калининъ“, написанной въ 1830—31 г. во время его пребыванія въ университетѣ. Несмотря на всѣ ея литературные недостатки, на явное подражаніе „Разбойникамъ“ Шиллера, на бьющій черезъ край неистовый романтизмъ, къ которому впоследствии такъ отрицательно отнесется Бѣлинскій, эта драма является все-таки крайне интереснымъ произведеніемъ, ярко отразившимъ чувства и мысли, волновавшія тогда Бѣлинскаго, весь его душевный складъ.

И дѣйствительно, въ героѣ пьесы, одаренномъ „душою пламенной, душою страстной ко всему великому“, горячо протестующемъ противъ всякой неправды, всякаго гнета и насилія, не трудно узнать „неистоваго“ Виссаріона. Жертва сословной и общественной несправедливости Дм. Калининъ вооружается противъ всего, что посягаетъ на священныя права человѣческой личности, противъ „глухихъ, увизительныхъ для человѣчества предрасудковъ“, противъ законовъ, „противныхъ правамъ природы и человѣчества, правамъ самого разсудка“. Онъ считаетъ своимъ долгомъ нарушать ихъ во имя правды, справедливости, свободы, во имя своего права на личное счастье, защищая въ пламенныхъ рѣчахъ „свободу чувства“.

Интересъ этого незрѣлаго произведенія, которое впоследствии такъ строго осудилъ самъ авторъ, не исчерпывается однимъ горячимъ протестомъ противъ всякой несправедливости, лицемерія, ханжества и насилія, однимъ страстнымъ, но неопредѣленнымъ порывомъ къ свободѣ и гуманности, свойственнымъ великодушной юности и отчасти навѣяннымъ драмами Шиллера, которыя, по словамъ Бѣлинскаго, „наложили на него дикую вражду къ общественнымъ порядкамъ, во имя абстрактнаго идеала общества, оторваннаго отъ географическихъ и историческихъ условій развитія, построеннаго на воздухѣ; бросили его въ абстрактный героизмъ“.

Въ этой драмѣ впервые раздается энергическій протестъ противъ крѣпостнаго права, вытекающій, какъ мнѣ кажется, не изъ одного только неопредѣленнаго стремленія къ справедливости, а явившійся результатомъ личныхъ наблюденій и переживаній автора. Не даромъ Бѣлинскій пишетъ отцу по поводу своего произведенія: „Вы въ немъ увидите многія лица, довольно Вамъ извѣстныя“. Такимъ образомъ къ абстрактному идеалу примѣшивается и нѣкоторая доля реального элемента, какъ результатъ ранняго столкно-

веніи Бѣлинскаго съ дѣйствительной жизнью, которой совершенно чужды былъ близкій ему обеспеченный кружокъ Станкевича.

Картины крѣпостного права отячуются гораздо болѣе объективной реальной обрисовкой, нежели остальные эпизоды драмы: рѣчи Лизы и Ивана чужды того кричащаго романтизма, который характеризуетъ всѣ выступленія Дмитрія Калинина. Разсказъ Ивана о жестокомъ самоуправствѣ помѣщицы съ крестьянами, съ мужикомъ Антипомъ напоминаетъ своимъ тономъ появившіяся значительно позднѣе произведенія Григоровича. „Да развѣ мы не такіе же люди, какъ и ваша милость, сударыня“, заявляетъ Иванъ жестокой помѣщицѣ въ то время, когда крѣпостное право разсматривалось какъ вполне нормальное явленіе, освѣщенное вѣковыми обычаями. Уже одно слово „рабъ“ ненавистно Дмитрію и превращаетъ его въ „злобу и неистовство“.

Но хотя эта драма и носитъ слѣды нѣкотораго реализма, тѣмъ не менѣе страстное осужденіе крѣпостного права героемъ пьесы парализуется замѣчаніемъ автора, направленнымъ къ оправданію „мудраго и попечительнаго правительства“, благодаря мѣропріятіямъ котораго „подобныя тиранства начинаютъ совершенно истребляться“.

Чуждый въ то время какого-либо опредѣленнаго политическаго міросозерцанія, далекій отъ всякихъ оппозиціонныхъ стремленій, Бѣлинскій тѣмъ не менѣе не ограничивается одной пламенной проповѣдью гуманности и 3 года спустя принимаетъ дѣятельное участіе въ освобожденіи крѣпостной дѣвушки, принадлежавшей его семейству.

Драма Бѣлинскаго, какъ извѣстно, была признана университетскими цензорами „безнравственной, позорящей университетъ“, что повергло „благонамѣреннаго“ Бѣлинскаго въ горестное изумленіе. Тотъ же моральный либерализмъ, то же уваженіе къ достоинству человѣческой личности, высокіе нравственные идеалы, стремленіе къ самоусовершенствованію, горячій интересъ къ литературѣ и искусству одушевляли и кружокъ Станкевича, который оказалъ такое сильное вліяніе на дальнѣйшее развитіе Бѣлинскаго. Подъ вліяніемъ Станкевича и Бакунина Бѣлинскій всецѣло отдается нравственно философскимъ и эстетическимъ вопросамъ, заглушившимъ первые проблески реальнаго отношенія къ русской общественности, къ дѣйствительности.

Отвѣта на всѣ волновавшіе ихъ нравственные и умственные запросы Станкевичъ и его друзья ищутъ въ нѣмецкой философіи. „Мы искали тогда въ философіи всего на свѣтѣ“, говоритъ Тургеневъ, „кромѣ чистаго мышленія“.

Философскій романтизмъ Шеллинга съ его пантеистическимъ ученіемъ объ „абсолютѣ“, какъ основаніи природы и духа и тождествѣ идеальнаго и реальнаго на первыхъ порахъ, захватилъ молодыхъ мечтателей.

Бѣлинскаго и его друзей увлекаетъ „возможность объяснить явленія природы тѣми же законами, которымъ подчиняется духъ человѣческой“ (Анненковъ), опредѣлять міръ „какъ дыханіе единой вѣчной идеи“, проявляющейся въ безчисленныхъ формахъ, какъ „великое зрѣлище абсолютнаго единства въ безконечномъ разнообразіи“, понимать искусство „какъ отблескъ творящей силы природы“, назначеніе и цѣль котораго „изображать, воспроизводить въ словѣ, въ звукѣ, чертахъ и краскахъ идею всеобщей жизни природы“ (Лит. Мечт.).

Ихъ плѣняетъ великое значеніе, которое Шеллингъ приписываетъ искусству и эстетическому развитію человѣка, высокій взглядъ на поэта, какъ на просвѣтителя и руководителя человѣчества, „апостола истины и знанія“, гармоническая связь между эстетическимъ и нравственнымъ элементомъ, такъ какъ въ „повѣи, не имѣющей цѣли внѣ себя“, въ „безцѣльномъ, свободномъ“ творествѣ—художественное тождественно съ нравственнымъ. Ихъ увлекаетъ высокая роль, которую Шеллингъ отводитъ человѣку, „назначеніе“ котораго „постигать своимъ умомъ и знаніемъ мудрую, любящую, справедливую вѣчную идею, раздѣлять ея жизнь въ чувствѣ безконечной зяждущей любви“ (Лит. Мечт.).

Не менѣе высокую цѣль ставитъ Шеллингъ и различнымъ народностямъ, являющимся „личностями человѣчества“, которыя, „живя самобытной жизнью, должны приносить свою долю въ общую сокровищницу человѣчества“, непрестанно двигаясь на пути прогресса.

Система эта, ставящая цѣлью отдѣльнаго индивидуума, народа и, наконецъ всего, человѣчества постоянную борьбу во имя достиженія высокихъ нравственныхъ идеаловъ, не могла не возбудить горячей симпатіи страстной, дѣятельной натуры Бѣлинскаго.

Съ необыкновеннымъ подъемомъ и увлекательнымъ краснорѣчіемъ Бѣлинскій передаетъ ея главныя положенія въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“, напечатанныхъ въ „Молвѣ“ въ 1834 г. Вся статья проникнута горячимъ одушевленіемъ, высокимъ нравственнымъ пафосомъ звучатъ слова о назначеніи человѣка: „Гордись, гордись, человѣкъ, своимъ высокимъ назначеніемъ!.. дыши для счастья другихъ, жертвуй всѣмъ для блага ближняго, родины, для пользы человѣчества, люби истину и благо не для награды, но для истины и блага и тяжелымъ крестомъ выстрадай твое соединеніе съ Богомъ“.

Опредѣляя литературу какъ „выразительницу народнаго духа, внутренней жизни народа, до ея сокровенныхъ глубинъ и бѣдъ“, Бѣлинскій приходитъ къ заключенію, что въ этомъ смыслѣ у насъ еще не существуетъ литературы, несмотря на крупныя таланты Державина, Крылова, Гробоѣдова и Пушкина.

Для доказательства своей мысли онъ предпринимаетъ историческій обзоръ постепеннаго развитія русской литературы, начиная съ Ломоносова, и вмѣстѣ даетъ „исторію постепеннаго хода нашего общества со времени Петра“. Такимъ образомъ критика Бѣлинскаго не ограничивается одной областью эстетическихъ явленій, а простирается далеко за предѣлы ея, въ пониманіе цѣлой жизни общества“ (Шыпинъ).

„Для того чтобы у насъ наступила истинная эпоха—искусства“, заключаетъ Бѣлинскій, „нужно сперва, чтобы у насъ образовалось общество, въ которомъ бы выразилась физіономія могучаго русскаго народа“ (эта мысль сдѣлается основнымъ положеніемъ всей дальнейшей критики Бѣлинскаго) „надобно, чтобы у насъ было просвѣщеніе, созданное нашими трудами, возвращенное на родной нивѣ“. Бѣлинскій радостно привѣтствуетъ стремленіе къ просвѣщенію „въ духѣ православія, самодержавія и народности“ въ средѣ дворянства и купечества, а также подчеркиваетъ полезную дѣятельность духовенства „въ дѣлѣ отечественнаго просвѣщенія“, онъ увѣренъ, что оно возрастетъ у насъ благодаря „неусыннымъ попеченіямъ мудраго Правительства“.

Эти заключительныя строки особенно интересны по тому рѣзкому контрасту, которой онѣ представляютъ съ знаменитымъ „Письмомъ“ къ Гоголю.

Бѣлинскій заканчиваетъ статью надеждой, что въ близкомъ будущемъ мы явима не только подражателями, но и „соперниками Европы“.

Статья проникнута глубокимъ оптимизмомъ, напоминающимъ взглядъ „официальной народности“. Бѣлинскій не затрагиваетъ болѣе вопроса о крѣпостномъ правѣ и, говоря о народѣ, называетъ его „червью“, считая высшіе классы главными выразителями народной жизни. Несмотря на восторженный взглядъ на Петра и его реформу, преклоненію предъ которымъ Бѣлинскій останется вѣренъ до конца жизни, слышится полное сочувствіе къ „священнымъ народнымъ обычаямъ“, и даже стариннымъ русскимъ костюмамъ, уничтоженнымъ Петромъ, Бѣлинскій посвящаетъ нѣсколько проникновенныхъ элегическихъ строкъ.

Вѣрный своему тонкому эстетическому чутью, Бѣлинскій бросаетъ вызовъ всему пошлomu, фальшивому, натянутому въ литера-

турѣ, и хотя онъ въ этомъ отношеніи является продолжателемъ Надеждина, однако же важно отмѣтить существенную между ними разницу, какъ это подчеркиваетъ Чернышевскій.

Надеждинъ преслѣдуетъ романтизмъ лишь какъ „фальшивое литературно-эстетическое явленіе“, тогда какъ Бѣлинскій во всей своей дальнѣйшей критической дѣятельности будетъ возставать на него какъ на „выраженіе натянутыхъ, экзальтированныхъ, лживыхъ понятій о жизни, какъ на извращеніе умственныхъ и нравственныхъ силъ человѣка, ведущее къ фантазерству и пошлости, самообольщенію и кичливости“ (Чернышевскій).

Такимъ образомъ уже на первыхъ порахъ въ критикѣ Бѣлинскаго, проникнутой отвлеченной шеллингианской философійю, начинаютъ звучать публицистическіе мотивы, онъ устанавливаетъ тѣсную связь между литературой и обществомъ, горячо ратуетъ за высокіе нравственные человѣческіе идеалы, за просвѣщеніе и видитъ въ литературѣ могучую двигательную силу на пути къ прогрессу.

Въ слѣдующей статьѣ „О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя“, раздѣляя поэзію на *идеальную* и *реальную*, Бѣл. отдаетъ предпочтеніе послѣдней за ея вѣрное воспроизведеніе дѣйствительности, за „тѣсное сочетаніе искусства съ жизнью“ и горячо привѣтствуетъ появленіе повѣстей Гоголя, подчеркивая въ нихъ „совершенную истинную жизнь, народность, оригинальность и комическое одушевленіе, побуждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и уныніа“.

Но несмотря на преобладаніе реалистическаго элемента въ жизненной, боевой, а не созерцательной по преимуществу натурѣ Бѣлинскаго, отвлеченная философско-нравственная точка зрѣнія все болѣе и болѣе овладѣваетъ Бѣлинскимъ, отрывая его на нѣкоторое время отъ дѣйствительной жизни, вырабатывая въ немъ мыслителя.

Подъ влияніемъ своего друга Бакунина, знакомство съ которымъ относится къ 1836 г., Бѣлинскій, ищущій болѣе опредѣленной основы для своего нравственнаго міросозерцанія, чѣмъ то, которое давало поэтическое, но туманное и шаткое ученіе Шеллинга, дѣлается на нѣкоторое время приверженцемъ философіи Фихте, у котораго нравственная сторона жизни выдвинута сильнѣе, чѣмъ у Шеллинга.

Бѣлинскій, страстно искавшій примирить противорѣчіе между жизнью „идеальной“ и жизнью дѣйствительной, „уцѣпился за фихтеанскій взглядъ съ энергіею, съ фанатизмомъ“, въ надеждѣ найти въ немъ цѣлостное, гармоничное нравственное міросозерцаніе. Онъ весь ушелъ въ этотъ новый открывшійся для него міръ мысли, съ

восторгомъ разсматривая „мышленіе, какъ нѣчто цѣлое, нѣчто одно, въ чемъ нѣтъ ничею особеннаго и случайнаго“.

Теперь онъ приходитъ къ убѣжденію, что „идеальная жизнь есть именно дѣйствительная, положительная, конкретная, а такъ называемая дѣйствительная жизнь есть отрицаніе, призракъ, ничтожество, пустота“.

Въ періодъ увлеченія „фихтеанской отвлеченностью“, въ которую по собственному призванію Бѣлинскаго его „стащилъ Бакунинъ, уничтоживъ въ его понятіи цѣну опыта и дѣйствительности“, Бѣлинскій исключительно уходитъ въ отвлеченно-нравственную точку зрѣнія, полагая единственной цѣлью всякаго чело-вѣка „личное индивидуальное совершенствованіе“, къ которому обязываетъ cadaго чело-вѣка „любовь къ чело-вѣчеству и святое убѣжденіе въ безконечномъ усовершенствованіи чело-вѣческаго рода“. Теперь національные интересы поглощаются общечело-вѣческими. Въ статьѣ „Опытъ системы нравственной философіи“ краснорѣчиво отразилась внутренняя мучительная борьба Бѣлинскаго съ собственнымъ несовершенствомъ во имя достиженія „идеальной жизни въ духѣ“, доставившей ему вмѣстѣ съ „убійственными минутами сомнѣнія и отчаянія, минутами разрушительной дисгармоніи съ самимъ собой, отвращенія отъ жизни, упорительныя минуты нѣры, неизяснимаго блаженства и полного примиренія съ жизнью“.

Но фихтеанство, понитое Бѣлинскимъ и его друзьями, какъ углубленіе во внутреннюю, идеальную „жизнь духа“, высоко возносившую „просвѣщеннаго благодатью“ надъ толпой и „пошлой“ дѣйствительностью, не могло на долго удовлетворить и успокоить Бѣлинскаго.

„Грозный призракъ внѣшней жизни“ не давалъ ему „успокоиться, забыться“, мгновенные порывы восторга смѣнялись отчаяніемъ, „оскудѣніемъ жизни“, „недѣлями апатів, смертельной тоски“, не могъ онъ также успокоиться на долго на „теоріи страданья“, которой надо выстрадать право на абсолютную жизнь въ духѣ.

* Бѣлинскій, „сила котораго состояла въ непосредственномъ чувствѣ“, не могъ безъ насиія надъ своимъ я замкнуться въ міръ холоднаго отвлеченнаго мышленія.

„Для меня, говорилъ онъ, еще не избавившись вполне отъ вліянія Шеллинга, истина существуетъ какъ созерцаніе въ минуту вдохновенія или совсѣмъ не существуетъ“. „Я ненавижу мысль, какъ отвлеченіе“.

Выходомъ изъ этого мучительнаго періода „распаденья и отвле-

ченности“ должно было явиться примиреніе съ действительностью, оправданье ея, къ которому и приходитъ Бѣлинскій подь вліяніемъ философіи Гегеля.

Это „примирительное“ отношеніе къ действительности, понимаемой Бѣлинскимъ еще въ отвлеченномъ, идеальномъ смыслѣ, уже ярко выступаетъ въ его „пятигорскомъ“ письмѣ отъ 7-го августа 1837 г.

Въ немъ еще чувствуется вліяніе Фихте, „все призракъ, мечта, одна мысль существенна и реальна“, пишетъ Бѣлинскій своему другу, совѣтуя обратиться къ изученію философіи, какъ къ „началу и источнику всякаго знанья“, предварительно приготовившись къ ней путемъ искусства, которое „очиститъ его душу отъ проказы земной суеты, холоднаго себялюбія, укрѣпитъ и разовьетъ любовь и дастъ религію или истину въ созерцаніи“.

Горячо убѣждая своего друга заняться философіей, которая даетъ „отвѣты на все вопросы души“, „подаритъ такимъ счастьемъ, какого толпа и не подозреваетъ“, Бѣлинскій въ то же время энергично совѣтуетъ пріятелю „избѣгать *политики* и всякаго политическаго вліянія на свой ходъ мыслей“, считая занятіе политикой въ Россіи лишь безсмысленнымъ достояньемъ „пустыхъ головъ“.

Оно уже потому безцѣльно въ Россіи, что „она не изъ себя разовьетъ свою гражданственность и свободу, но получитъ то и другое отъ своихъ царей“, доказательствомъ чему служатъ Петръ Великій.

„Самодержавная власть, опекающая Россію какъ малое дитя съ любовью и разумной строгостью“, ведетъ страну къ лучшему будущему, не давая ей преждевременной, а вслѣдствіе этого гибельной свободы. Бѣлинскій нисколько не возмущается политическимъ и гражданскимъ безправіемъ, крѣпостнымъ правомъ, говоря, что „мы еще должны быть рабами“, такъ какъ часъ свободы еще не пробилъ для Россіи.

Онъ прославляетъ „самодержавную власть, которая даетъ полную свободу думать и мыслить, но ограничиваетъ свободу громко говорить и вмѣшиваться въ ея дѣла“ и находитъ вполне основательнымъ запрещеніе „выписывать политическія книги, которыя бы послужили только ко вреду, кружа головы неосновательныхъ людей“.

Бѣлинскій убѣжденъ, что въ Россіи все идетъ къ лучшему, что благодаря отсутствію маіората и „мудрымъ попеченьямъ правительства, не позволяющаго писать противъ крѣпостнаго права, но исподволь освобождающаго крестьянъ“, оно скоро отойдетъ въ область исторіи.

Онъ вѣритъ, что „въ Россіи гражданская свобода явится пло-

домъ внутренней свободы каждаго индивидуума, составляющаго народъ“.

Такимъ образомъ Бѣлинскій проповѣдуетъ полный политическій индифферентизмъ и невмѣшательство въ дѣла общественной жизни, совѣтуя „возлюбить добро и истину и путемъ науки стремиться къ тому и другому“.

„Если бы каждый изъ индивидовъ, составляющихъ Россію, путемъ любви дошелъ до совершенства, тогда Россія безъ всякой политики сдѣлалась бы счастливѣйшей страной въ мірѣ“.

Интересно совпаденіе этого взгляда съ мнѣніемъ Карамзина, Жуковскаго и Гоголя въ его „Перепискѣ“.

Порицая всякія внутреннія потрясенія и насильственные перевороты, Бѣлинскій призываетъ современное ему молодое поколѣніе „быть апостолами просвѣщенія“ и, очевидно, имѣя въ виду декабристовъ, прибавляетъ: „И такъ будемъ подражать апостоламъ Христа, которые не дѣлали заговоровъ и не основывали ни явныхъ, ни тайныхъ обществъ, распространяя ученіе своего божественнаго Учителя“.

„И такъ учиться, учиться, учиться и еще такъ учиться“, повторяетъ онъ свой энергическій призывъ къ просвѣщенію, какъ 3 года тому назадъ въ „Литературныхъ Мечтаньяхъ“.

„Къ чорту политика, да здравствуетъ наука!“

Подъ наукой онъ подразумѣваетъ нѣмецкую философію и рѣзко клеймитъ французскую науку, особенно французскую философію, „основанную на опытѣ“ и являющуюся вслѣдствіе этого нелѣпостью.

„Германія, вотъ Іерусалимъ новѣйшаго человѣчества!“

Многіе взгляды, которые Бѣлинскій потомъ подробно разовьетъ въ своихъ статьяхъ гегельнскаго періода, напоминаютъ основныя положенія „Переписки“ Гоголя. Какой громаднѣйшій путь предстоитъ пройти Бѣлинскому, чтобы придти къ полному отриванію ихъ въ своемъ страстномъ, негодующемъ „Письмѣ“ къ Гоголю!

И такъ, Бѣлинскій въ этотъ періодъ ставитъ на первомъ планѣ личное нравственное самоусовершенствованіе и стремленіе къ достиженію „абсолютной жизни въ духѣ“, проникнутой одними высшими духовными интересами знанія и искусства далекой отъ житейской пошлости. Отношенія къ обществу и государству стоятъ на второмъ планѣ, стремленіе къ личному совершенствованію и просвѣщенію заключаетъ въ себѣ главную обязанность гражданина общества.

Но, признавая всю важность для человѣчества этой „абсолютной“ жизни, Бѣлинскій въ то же время чувствуетъ, что ею не исчерпывается все отношеніе къ жизни, что „внѣшняя“ жизнь съ ея реальными интересами имѣетъ также свои неотъемлемыя права.

Тяжелыя матеріальныя условія не даютъ ему „забыться въ чистой идеѣ“. „Прикованный желѣзными цѣпями къ внѣшней жизни, говоритъ онъ, могъ ли я возвыситься до абсолютной?“

Къ концу 1837 г. Бѣлинскій, „утомленный отвлеченностью“, „жаждетъ сближенія съ дѣйствительностью“. Больше близкое знакомство съ философіей Гегеля приводятъ Бѣлинскаго къ логической необходимости признать дѣйствительность и законность ея требованій въ личной жизни на основаніи знаменитой формулы: „что дѣйствительно, то разумно“.

Философія Гегеля явилась для Бѣлинскаго „спасеніемъ“, „освобожденіемъ“ отъ „фихтевской отвлеченности“ и философскаго романтизма и вмѣстѣ значительнымъ шагомъ впередъ на пути къ реалистическому міровоззрѣнію, несмотря на весь ея отвлеченный характеръ. Бѣлинскому показалась „откровеніемъ“ философія Гегеля, которая разсматриваетъ исторію какъ необходимый, законосообразный процессъ развитія человѣчества, устраняетъ господство слѣпой случайности, устанавливаетъ стройный гармоническій взглядъ на міръ, подчиняя всецѣло частное общему и представляя всемірно-историческій процессъ какъ торжество Разума въ его непрерывномъ движеніи впередъ, къ необходимой, разумной свободѣ.

Со свойственнымъ ему увлеченіемъ и логической неустрашимостью Бѣлинскій развилъ ея положенія до крайнихъ предѣловъ.

„Новый міръ намъ открылся“, пишетъ онъ Станкевичу въ 1839 г. „Сила есть право и право есть сила, съ какимъ чувствомъ услышалъ я эти слова. Я понялъ идею паденія царствъ, законность завоевателей. Я понялъ, что нѣтъ дикой матеріальной силы, нѣтъ владычества штыка и меча, нѣтъ произвола, нѣтъ случайности, и кончилась моя опека надъ родомъ человѣческимъ, и значеніе моего отечества предстало мнѣ въ новомъ видѣ“.

Воспринявъ нѣкоторыя положенія эстетики Гегеля, Бѣлинскій восклицаетъ: „Боже мой! Какой новый, свѣтлый, безконечный міръ. Слово и дѣйствительность“ стало для меня равносильнымъ слову „Богъ“!

Понявъ дѣйствительность въ эмпирическомъ смыслѣ, отождествивъ „разумную“ дѣйствительность съ *реальной* дѣйствительностью (Гегель не все существующее считаетъ дѣйствительнымъ, а потому и не все существующее разумнымъ), Бѣлинскій неизбежно долженъ былъ придти къ признанію разумности всего существующаго, къ преклоненію передъ дѣйствительностью. Онъ „весь“ проникся восторгомъ передъ нею. „Я гляжу на дѣйствительность, столь презираемую прежде мною, и трепещу таинственнымъ восторгомъ, сознавая ея разумность, видя, что изъ нея ничего нельзя выкинуть, и въ ней ничего нельзя похулить и отвергнуть“.

Отсюда ультра-консервативные взгляды Бѣлинскаго, готового преклониться передъ всѣмъ общественнымъ и политическимъ строемъ Россіи, его враждебное отношеніе ко всякому отрицанію дѣйствительности, къ „прекраснодушной войнѣ“ съ нею, его ненависть къ Шиллеру, къ французамъ, къ критической дѣятельности „копечнаго разсудка“, его преклоненіе передъ философской и консервативной Германіей, передъ объективной поэзіей Шекспира, Гете и Пушкина, его крайній оптимизмъ. „Все благо, все добро“, повторяетъ Бѣлинскій въ этотъ періодъ.

Статьи „Московского Наблюдателя“, выразившія это „примирительное“ направленіе, поражаютъ отсутствіемъ полемики, своимъ сдержаннымъ тономъ (когда дѣло идетъ не о французахъ и ихъ „невстовой“ литературѣ), и признаніемъ заслугъ даже такихъ личностей, какъ Греча и Булгарина. Бѣлинскій восхищается статьей Греча „Поѣздка въ Германію“ за ея нападки на политическій конституціонный строй Франціи, на поверхностность и „верхоглядство“ французовъ, за его „свѣтлый“ и вѣрный взглядъ на самодержавную Пруссію и Гамбургскую республику. Бѣлинскій сочувственно приводитъ слѣдующій отзывъ Греча о Гамбургской республикѣ. „Участіе народа въ правленіи ничтожно, Гамбургская республика есть лучшее свидѣтельство того, что простому народу не должно давать не только воли, но и голоса въ дѣлахъ общественныхъ“.

„Въ Пруссіи всякъ можетъ удостовѣриться, что такъ называемыя представительныя формы правленія отнюдь не составляютъ необходимости благоустроеннаго и счастливаго государства“.

Бѣлинскій отрицательно относится къ революционнымъ попыткамъ „юной Германіи“ измѣнить современный политическій строй страны.

„Эта юная Германія лучше всего показываетъ, какъ безплодны и ничтожны покушенія индивидуальностей на участіе въ ходѣ міродержавныхъ судебъ“.

Это порицаніе распространяется и на дѣятельность Гейне какъ политическаго писателя.

„Французодство“ Бѣлинскаго особенно ярко отразилось въ рѣзкой рецензій обь „Исторіи Франціи“ Мишле.

Въ этотъ періодъ Бѣлинскій вполне раздѣляетъ консервативные политическіе взгляды Жуковскаго и восхищается его описаніемъ „Путешествія по Россіи Наслѣдника Цесаревича“, этимъ горячимъ диамантомъ самодержавной царской власти.

Преклоняясь передъ „просвѣтленнымъ“ объективнымъ характеромъ произведеній Пушкина, Бѣлинскій особенно подчеркиваетъ стихотвореніе „Герой“, „драгоценное какъ доказательство благородныхъ истинно-русскихъ чувствованій Пушкина“.

Онъ даже признаетъ „счастливыми“ плохіе стихи Кукольника, воспевающіе Царскую Семью.

Но особенно ярко выразилась политическо-консервативные взгляды Бѣлинскаго въ статьѣ о „Бородинской Годовщинѣ“ Жуковскаго (1839 г.).

На основаніи самаго характера царской власти, которая, „не будучи произвольно-случайной, всегда таинственно сливалась волею Провидѣнія съ разумной дѣйствительностью“, Бѣлинскій провозглашаетъ „необходимость безусловнаго повновенія царской власти, какъ волѣ самого Провидѣнія“. „Царь есть жизнь и душа своего народа“. Бѣлинскій горячо возстаетъ противъ „русскаго европеизма“, настаивая на необходимости самобытнаго развитія нашей народной жизни и предостерегая отъ подражанія гражданскому и политическому строю народовъ Западной Европы.

Онъ съ восторгомъ говоритъ о „великомъ прошедшемъ Россіи, которое родило великое настоящее и является залогомъ ея славнаго будущаго“. Впадая въ идеализацію русской старины, Бѣлинскій подчеркиваетъ вполне нормальныя, патріархальныя отношенія между высшими и подчиненными имъ низшими сословіями. Такимъ образомъ онъ приходитъ къ полному оправданію тогдашняго строя русской жизни, не видитъ въ ней „неправды черной“ и признаетъ разумнымъ даже самое крѣпостное право.

Около того же времени онъ пишетъ сочувственную рецензію о пошлой и ничтожной „Ручной библіотекѣ для людей“, являющейся апологіей крѣпостнаго права.

Въ этотъ періодъ, Бѣлинскій, понимая „народность“, какъ отвлеченное понятіе, какъ „выраженіе субстанціи народа, а не тривиальную престонародность“, крайне индифферентно относится къ „массамъ низшаго народа, лишеннаго всякаго умственнаго развитія, загрубѣлаго отъ низшихъ нуждъ и тяжелыхъ работъ жизни“, къ „грубому“ солдату, къ „грубому“ поселянину, ограниченнѣйшій кругозоръ котораго не простирается далѣе „низкихъ нуждъ матеріальной жизни“.

По отношенію къ Мицкевичу Бѣлинскій становится на узко-національную точку зрѣнія.

Тотъ же апофеозъ царской власти и вмѣстѣ теорію происхожденія ея, а также и происхожденія государства находимъ мы во второй Бородинской статьѣ, выразившей собой крайній моментъ увлеченія Бѣлинскаго гегельянствомъ.

Въ I-ой части статьи Бѣлинскій горячо оспариваетъ рационалистическій взглядъ XVIII-аго вѣка на возникновеніе государства, которое по его мнѣнію есть „разумное и священное явленіе, воз-

никшее какъ результатъ непосредственнаго откровенія божественной идеи“.

Отсюда вытекаетъ и „священный характеръ коренныхъ государственныхъ постановленій“, которыя не являются временными и случайными человѣческими постановленіями. Вторая часть статьи посвящена выясненію взаимнаго соотношенія личности и общества, столкновенію міра субъективнаго и объективнаго.

Бѣлинскій начинаетъ съ признанія „автономіи личности“, „дѣйствительности ея субъективной стороны“. „Всякій человѣкъ есть самъ по себѣ цѣль, и жизнь дана ему какъ удовлетвореніе, какъ счастье, какъ блаженство, къ которому онъ слѣдовательно имѣетъ полное право стремиться“.

Но субъективной стороной не исчерпывается сущность человѣческой личности, которая по духу своему „какъ проблеску безконечнаго и общаго“, является также частью мірового общаго, выражающагося въ объективномъ мірѣ, который не что иное, какъ „законы его же разума, его субъективнаго духа, но только осуществившіеся во внѣ его, какъ явленія“.

„Въ отношеніи къ индивидуальной особности человѣка міръ объективный есть враждебный ему міръ, но въ отношеніи къ его духу міръ объективный есть родной ему міръ“.

Отсюда вытекаетъ борьба субъективной личности съ объективнымъ міромъ, до тѣхъ поръ, пока человѣкъ путемъ „борьбы и отрицанья“ не сознаетъ своего родства съ этимъ объективнымъ міромъ и не придетъ къ полному примиренію и „слиянію“ съ нимъ, „усвоивъ объективный міръ въ свою субъективную собственность“ и ставъ черезъ то личностью „уже дѣйствительной, уже выражающей собою не случайную частность, а общее *міровое*“.

Такимъ образомъ „столкновеніе личности съ обществомъ является средствомъ не ограниченія, а расширенія личности“ (Ивановъ-Разумникъ), этому взгляду Бѣлинскій остается вѣренъ и въ послѣдній періодъ своего развитія, несмотря даже на крайній индивидуализмъ, но теперь онъ проповѣдуетъ „смиреніе“ передъ существующимъ и *подчиняетъ* личность обществу.

„Общество есть высшая дѣйствительность, а дѣйствительная потребуетъ полнаго примиренія съ собой, полнаго признанія со стороны человѣка, или сокрушаетъ его подъ свинцовой тяжестью своей исполненной длани“.

Выраженіе борьбы этого субъективнаго и объективнаго міра Бѣлинскій видитъ въ „Гамлетѣ“ и „Фаустѣ“, которые достигаютъ просвѣтленія и расширенія своей личности, пройдя черезъ мучи-

тельный періодъ „распаденія и отрицанья“, сознавъ себя частью мірового общаго и примирившись съ нимъ.

Такъ какъ субъективное должно быть подчинено объективному, то и въ искусствѣ Бѣлинскій становится на сторону объективной поэзіи, объявляя „субъективность смертью поэзіи“.

Въ этотъ періодъ онъ отрицательно относится къ поэзіи Полежаева за ея „скорбный, лазаретный характеръ“, за неумѣніе „найти разрѣшеніе и примиреніе бытія и возвыситься до объективнаго созерцанія прекраснаго бытія“, тогда какъ „поэтъ есть гражданинъ безконечнаго и святаго царства Божія, въ которомъ нѣтъ плача и скрежета зубовъ, но одна просвѣтленная радость, свѣтлое ликованіе и самая печаль нѣ въ немъ есть только грустная радость“. Такъ говоритъ Бѣлинскій въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ эпохъ своей жизни, всецѣло проникаясь воспринятой доктриной.

Ярче всего это преклоненіе предъ „разумной дѣйствительностью“ и проповѣдь „чистаго искусства“, свободнаго отъ субъективно-нравственной точки зрѣнія и всякихъ соціальныхъ и этическихъ тенденцій — выразились въ статьѣ о „Менцелѣ“ 1840 г.

Бѣлинскій жестоко обрушивается на Менцеля, этого „маленькаго великаго человѣка“, для котораго исторія является „безсвязной сказкой“, и который возстаетъ противъ существующаго современнаго строя Германіи, противъ ученія Гегеля, противъ объективной поэзіи Гёте, не откликаящейся на великія современныя событія. Бѣлинскій рѣзко критикуетъ Менцеля за узкую „моральную“ точку зрѣнія на искусство, за требованіе, чтобы оно служило обществу и отзывалось на вопросы современности, которыя всего менѣе можетъ быть предметомъ поэзіи, какъ „явленіе безъ полноты и цѣлости, закрытое туманомъ страстей, предубѣжденій и пристрастій партій“.

„Отраженіемъ мелкихъ сектъ, ничтожныхъ системъ, эфемерныхъ партій, дневныхъ вопросовъ“ является новѣйшая французская литература, которую Бѣлинскій подвергаетъ жестокой критикѣ и особенно обрушивается на Ж. Зандъ, „пропагандирующую идеи санъ-симонизма и освобожденія женщины“.

Въ этомъ періодѣ Бѣлинскій ограничиваетъ призваніе женщины узкой семейной сферой, проповѣдуетъ „милое, простодушное незнаніе женщины, которой должны быть открыты лишь прекрасныя стороны бытія“, порицаетъ „глушныя бредни санъ-симонистовъ“, требующихъ для женщины одинаковыхъ гражданскихъ правъ съ мужчиной, одинаковаго участія въ общественной жизни, и крайне враждебно относится къ женщинамъ-писательницамъ.

Въ этотъ періодъ поэтъ въ глазахъ Бѣлинскаго является глав-

нымъ образомъ художникомъ, а не прежде всего *человѣкомъ*, какъ въ періодъ шеллингианства.

„Содержаніемъ поэзіи, говоритъ Бѣлинскій, должны быть не вопросы дѣя, а вопросы вѣковъ, не интересы страны, а интересы міра, не участь партій, а судьбы челоѣчества“. Любимыя его произведенія теперь это „Пока не требуетъ поэта“ и „Чернь“ Пушкина (о которой онъ потомъ будетъ говорить съ такимъ негодованіемъ, подразумѣвая подь „черню“ народъ. Онъ преклоняется передъ объективной поэзіей Гѣте, котораго ставитъ несравненно выше Шиллера и „Нереиду“ Пушкина за художественность формы предпочитаетъ „Идеаламъ“ Шиллера.

Въ тѣсной связи съ общественнымъ индифферентизмомъ и „примирительнымъ“ настроеніемъ стоитъ и статья о „Горѣ отъ ума“, въ которой Бѣлинскій разбираетъ „Ревизоръ“ и комедію Грибоѣдова исключительно съ философско-эстетической точки зрѣнія нѣмецкой критики, нисколько не касаясь изъ общественнаго значенія. Признавая „Ревизоръ“ безусловно художественнымъ произведеніемъ, онъ видитъ недостатки „Горя отъ ума“ въ отсутствіи „конкретной“ идеи и художественной цѣльности, въ преобладаніи субъективнаго элемента автора, что дѣлаетъ изъ „Горя отъ ума“ сатиру, а „сатира не можетъ быть художественнымъ произведеніемъ“. Отдавая справедливость превосходнымъ частностямъ комедіи „гениальной обрисовкѣ типовъ“, хотя и испорченной субъективнымъ вмѣшателствомъ автора, Бѣлинскій рѣзко критикуетъ Чацкаго за „умничанье“ и „протестъ“ противъ всего окружающаго. Онъ находитъ его „не художественнымъ лицомъ“, „образомъ безъ лица“, призракомъ, „фантомомъ“, называетъ его „полоумнымъ, крикуномъ, фразеромъ, идеальнымъ шутомъ, новымъ Донъ-Кихотомъ“.

„Противорѣчіе Чацкаго съ окружающимъ его обществомъ не могло лечь въ основу художественнаго произведенія, такъ какъ это противорѣчіе случайное, а не дѣйствительное, противорѣчіе не съ обществомъ, а съ кружкомъ общества“. Бѣлинскій не допускаетъ возможности, чтобы все русское общество было таково, какъ его рисуетъ Грибоѣдовъ, онъ находитъ „безумнымъ“ вторженіе Чацкаго въ это чуждое ему общество, „неумѣстными“ всѣ его протестующія выходки. Общество это было право, изгнавъ его изъ своей среды. „Общество, говоритъ Бѣлинскій, всегда правѣе и выше частнаго челоѣка, и частная индивидуальность только до той степени и дѣйствительна, а не призрачна, до какой она выражаетъ собою общество“.

Это враждебное отношеніе Бѣлинскаго къ Чацкому, какъ къ представителю незнакомой ему въ то время категоріи „опасныхъ“,

„безпощадныхъ“ людей, непрощенныхъ „преобразователей“ общества, смотрящихъ на него сверху внизъ, въ сознаниіи своего гордаго превосходства, станеть еще понятнѣе, когда мы вспомнимъ стремленіе Бѣлинскаго къ „обыденности“ и „простотѣ“, къ „примиренію со всѣми“.

Описывая время своего учительства въ Межевомъ Институтѣ въ 1838 г., имѣвшего для него „безконечныя слѣдствія въ постиженіи дѣйствительности“, онъ говоритъ: „Я начинаю находить въ разговорѣ общіе интересы съ такими людьми, съ какими никогда не думалъ имѣть чего-либо общаго“. Онъ возстаеть противъ исключительности въ кружка „не похожаго ни на что остальное и враждебнаго всему остальному“.

„Всякая форма, поражающая людей своей рѣзкостью и странностью и возбуждающая о себѣ толки и пересуды—пошла т. е. идеальна. Надо во внѣшности своей походить на всѣхъ, быть какъ всѣ“.

„Главнѣйшей цѣлью“, провозглашаетъ Бѣлинскій, „должна быть простота и согласіе съ дѣйствительностью“. Но вскорѣ онъ начинаетъ чувствовать всю невозможность этого „согласія съ дѣйствительностью“, стремленіе „участвовать въ ней не созерцательно, а дѣятельно“, стремленіе узвать ее ближе неизбежно должно было открыть ему неприглядныя стороны ея, вызвать въ его понятіяхъ цѣлый рядъ противорѣчій.

Этому отрезвленію Бѣлинскаго отъ чрезмѣрной идеализаціи дѣйствительности способствуютъ столкновеніе его съ кружкомъ Герцена, критически относившагося къ русской дѣйствительности и интересовавшагося общественными и политическими вопросами, переѣздъ въ Петербургъ и произведенія Лермонтова, Кольцова, Гоголя. „Развитіе и измѣненіе взглядовъ Бѣлинскаго, замѣчаетъ Пыпинъ, шло параллельно съ ходомъ развитія русской литературы“.

Оторванный отъ своего кружка, этого „необитаемаго острова“, какъ называетъ его Бѣлинскій за его отчужденность отъ жизни общества, чувствуя все болѣе и болѣе необходимость выйти изъ его „китизма“ на „широкое поле дѣйствительности“, Бѣлинскій знакомится въ Петербургѣ въ 1839 г. съ настоящей, реальной дѣйствительностью, подъ влияніемъ которой происходитъ мучительный поворотъ въ его взглядахъ.

„Петербургъ, говоритъ Бѣлинскій, былъ для меня страшной складой, о которую больно стукнулось мое прекрасноедушіе“. Въ статьѣ „Москва и Петербургъ“ Бѣлинскій на основаніи личнаго опыта говоритъ объ „отрезвляющемъ“ дѣйствіи Петербурга на нѣкоторыя натуры.

„Сначала кажется намъ, что отъ его атмосферы, словно листья съ деревь, спадаютъ съ васъ самыя дорогія убѣжденія; но скоро замѣчаете вы, что то не убѣжденія, а мечты, порожденныя праздною жизнью и рѣшительнымъ незнаніемъ дѣйствительности—и вы остаетесь, можетъ быть съ тяжелой грустью, но въ этой грусти такъ много святаго, *человѣческаго*“.

Періодъ между 1839—1841 г.г. съ момента его переѣзда въ Петербургъ—является очень сложнымъ и мучительнымъ процессомъ духовнаго перерожденія Бѣлинскаго, когда въ немъ борются два различныя міросозерцанія.

Подъ вліяніемъ этого остраго душевнаго процесса Бѣлинскій доводитъ до крайнихъ предѣловъ развитіе своихъ гегельянскихъ убѣжденій,—какъ-бы ища въ нихъ твердой точки опоры противъ обуревающихъ его сомнѣній, противъ мучительной работы своей самостоятельной критической мысли, вотъ почему вышеупомянутыя статьи этого періода, задуманныя еще въ Москвѣ, но написанныя уже въ Петербургѣ, отличаются такой страстной напряженностью.

Вотъ почему послѣдующія его статьи 1841 г. представляютъ съими такой рѣзкій и неожиданный контрастъ, на самомъ же дѣлѣ, подготовленный цѣлымъ періодомъ напряженной внутренней работы.

Въ чемъ же выражается этотъ періодъ и къ какому новому міросозерцанію приводитъ онъ Бѣлинскаго?

Отвѣтъ на это даютъ данныя его біографія, почерпнутыя главнымъ образомъ изъ его переписки съ Боткинымъ.

Въ Петербургѣ начинается для Бѣлинскаго мучительная „раздѣлка съ прошлымъ“ встрѣча съ непосредственной дѣйствительностью, а равно и вышеупомянутыя другія вліянія производятъ постепенный переворотъ въ его философскихъ, эстетическихъ и общественныхъ взглядахъ. Первые впечатлѣнія „гнусной петербургской дѣйствительности“ начинаютъ колебать вѣру Бѣлинскаго въ „разумность“ этой дѣйствительности. „Петербургъ, пишетъ Бѣлинскій, имѣетъ необыкновенное свойство оскорбить въ человѣкѣ все святае и заставить въ немъ выдти наружу все сокровенное“.

Всматриваясь внимательно въ современную русскую жизнь, изучая еѣ, Бѣлинскій начинаетъ ближе чувствовать свою связь съ обществомъ „кровиѣ любить Русь, но лишь съ ея субстанціальной стороны“, „ея же дѣйствительность настоящая“ начинаетъ приводить его въ отчаяніе „гразно, мерзко, возмутительно, не человѣческо“ и у него вырывается крикъ отчаянія: „родная дѣйствительность ужасна“!

Его поражаетъ пошлость и неразвитость російской читающей публики, которую онъ начинаетъ клеймить презрительнымъ названіемъ „расейской“ (слово, въ которомъ кроется столько горечи и любви), но съ которой онъ начинаетъ все болѣе и болѣе чувствовать свою кровную связь.

Онъ все болѣе и болѣе проникается сознаніемъ, что борьба съ пошлой „расейской литературой“, съ пошлостью вкусовъ читающей публики его настоящее призваніе. „Литературѣ расейской моя жизнь и моя кровь“ восклицаетъ онъ. „Идея общества всецѣло охватываетъ его“.

Абстрактный идеалъ человѣка, замкнувшійся лишь въ эгоистичномъ стремленіи къ личному совершенствованію, оторванный отъ общества, болѣе не удовлетворяетъ его. „Горе человѣку, если онъ ограничивается быть только человѣкомъ, не присовокупляя къ этому абстрактному и громкому званію ни купца, ни помѣщика, ни офицера, ни учителя. Общество покараетъ его. Эту кару я уже чувствую на себѣ“. И въ противоположность Станкевичу, презрительно относившемуся къ званію литератора, Бѣлинскій начинаетъ смотрѣть на свою литературную дѣятельность какъ на гражданское служеніе обществу:

„Я литераторъ, говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ радостнымъ и гордымъ убѣжденіемъ“.

Теперь литература становится для него средствомъ умственного и нравственного воспитанія общества, онъ придаетъ огромное значеніе журналистикѣ. Оспаривая предубѣжденіе Боткина относительно журнала, онъ пишетъ: „Теперь у насъ великую пользу можетъ приносить для настоящаго и еще болѣе для будущаго кафедра, но журналъ болѣе, ибо для нашего общества прежде науки нужна человѣчность, гуманическое образованіе“. Эта проповѣдь человѣчности и страстная борьба со всѣмъ, что позоритъ человѣческую личность, сдѣлается краеугольнымъ камнемъ всей дальнѣйшей критической дѣятельности Бѣлинскаго, гдѣ публицистъ возьметъ верхъ надъ критикомъ. Въ своемъ желаніи приблизиться къ этой „расейской публикѣ“ Бѣлинскій готовъ даже „поглупѣть“, чтобы она лучше понимала его, такъ какъ онъ чувствуетъ, что онъ авторъ „не для немногихъ“.

Этотъ переломъ уже чувствуется въ статьѣ о „Героѣ нашего времени“ 1840 г.

Бѣлинскій сочувственно относится къ Печорину и хотя объясняетъ его неудовлетворенность и безплодную трату богатыхъ душевныхъ силъ не общественными условіями (какъ впоследствии онъ это выразитъ въ оцѣнкѣ Онегина), а видитъ въ страданіяхъ

Печорина лишь переходный моментъ распада, предшествующій примиренію съ разумной дѣйствительностью, моментъ, который Печоринъ ошибочно принимаетъ за конечный результатъ своего развитія, тѣмъ не менѣе Бѣлинскій относится къ этому протестующему, мятежному, гордому человѣку совсѣмъ иначе, чѣмъ къ Чацкому. Онъ видитъ въ Печоринѣ не разочарованнаго человѣка, а рвущагося къ кипучей дѣятельности.

Вникая въ характеръ Печорина, чувствуется, что Бѣлинскій какъ-бы объясняетъ имъ переходный процессъ своей внутренней жизни. Слѣдующія слова изъ характеристики Печорина всецѣло могутъ быть отнесены къ личнымъ переживаніямъ Бѣлинскаго:

„Печоринъ много думалъ о жизни и по опыту знаетъ, какъ ненадежны всѣ заключенія и выводы для тѣхъ, кто прямо и смѣло смотритъ на истину, не тѣшитъ и не обманываетъ себя убѣжденіями, которымъ уже самъ не вѣритъ. Духъ его созрѣлъ для новыхъ чувствъ и новыхъ думъ, сердце требуетъ новой привязанности: дѣйствительность, вотъ сущность и характеръ всего этого новаго. Онъ готовъ для него, но судьба еще не даетъ ему новыхъ опытовъ, и презирая старыя, онъ все-таки по нимъ же судитъ о жизни“.

Статья эта написана въ томъ же году, какъ и статья о „Менцелѣ“ и однако же во многомъ противоположна ей. Бѣлинскій сочувственно относится къ субъективному элементу творчества Лермонтова и самую „неопредѣленность, неразгаданность въ характерѣ Печорина“, недостаточно объективированнаго авторомъ, ставитъ въ заслугу Лермонтову, видя въ ней попытку откликнуться на современные общественные вопросы.

Въ письмахъ къ Боткину постоянно упоминается имя Лермонтова, который оказалъ въ это время могучее вліяніе на Бѣлинскаго и въ произведеніяхъ котораго онъ находитъ какъ отраженіе собственныхъ мыслей и страданій, такъ и отзвукъ настроеній современнаго ему общества.

„Лермонтовъ, пишетъ Бѣлинскій 13-го іюня 1840 г., великій поэтъ: онъ объектировалъ современное общество и его представителей“.

Въ Петербургѣ журналъ поставилъ Бѣлинскаго „лицомъ къ лицу къ этому обществу“. „Его убило это зрѣлище общества, въ которомъ властвуютъ и играютъ роль подлецы и дюжинныя посредственности, а все благородное и даровитое лежитъ въ позорномъ бездѣйствіи на необитаемомъ островѣ“.

Все яснѣе открывается Бѣлинскому связь личной жизни съ жизнью общества, и свои нравственные страданія, равно какъ и

страданія своихъ друзей, онъ начинаетъ объяснить общественными современными условіями. Онъ и его друзья принадлежатъ къ „несчастному поколѣнію, надъ которымъ отижелѣло проклятіе времени, дурного времени“. Жертвы тяжелой переходной эпохи „они отдуваются не за себя, а за общество“.

„На насъ, пишетъ онъ, обрушилось безалаберное состояніе общества, въ насъ отразился одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ моментовъ общества, силою отторгнутаго отъ своей непосредственности и принужденнаго тернистымъ путемъ идти къ пріобрѣтенію разумной непосредственности, къ очеловѣченію“.

„Мы живемъ въ страшное время, говоритъ онъ, въ другомъ письмѣ, судьба налагаетъ на насъ схиму, мы должны страдать, чтобы нашимъ внукамъ было легче жить“ (къ Боткину 13-го іюня 1840 г.).

Почти въ тѣхъ же словахъ рисуетъ и Герцевъ тяжелое положеніе лучшихъ людей той эпохи въ современномъ имъ обществѣ, то же настроеніе находимъ мы и у Грановскаго. Еще не освободившись вполне отъ вліянія Гегеля, Бѣлинскій старается найти оправданіе ихъ общихъ стремленій въ міровой необходимости. „Что дѣлать, говорятъ онъ, гибель частнаго въ пользу общаго, — міровой законъ“.

Бѣлинскому становятся ясны причины ихъ неудовлетворенности, ихъ собственныхъ недостатковъ.

„Воспитаніе, говоритъ онъ, въ томъ же письмѣ 13-го іюня 1840 г., лишило насъ религіи, обстоятельства жизни (причина которыхъ въ состояніи общества) не дали намъ положительнаго образованія и лишили великой возможности сродниться съ наукой; съ дѣйствительностью мы въ спорѣ и по праву ненавидимъ и презираемъ ее, какъ и она по праву презираетъ и ненавидитъ насъ“.

„Да, наше поколѣніе изрательяне, блуждающіе по степи и которымъ никогда не суждено уарѣть обѣтованной земли. И всѣ наши вожди-Моисеи, а не Навины. Скоро ли явится сей вождь“? По мѣрѣ того какъ Бѣлинскій начинаетъ проникаться важностью общественныхъ интересовъ, замѣняется и его взглядъ на французовъ, онъ уже не презираетъ ихъ больше за страсть къ политикѣ и современнымъ вопросамъ, „онъ мирится съ ними и уважаетъ ихъ, хотя еще не любитъ“.

По мѣрѣ проникновенія въ русскую жизнь „любовь его къ родному, русскому, становится грустиѣе: это уже не прекраснодушный энтузіазмъ, но страдальческое чувство“.

Личность уже не представляется ему средствомъ въ всемірно-историческомъ процессѣ, она имѣетъ законное право добиваться

личнаго счастья, а не приносить все въ жертву общему. Въ христіанствѣ Бѣлинскій видитъ признаніе достоинства человѣческой личности, ея индивидуальности, благодаря ему „человѣкъ какъ субъективная личность явился героемъ новой трагедіи, въ которую вошли плебей и шуты“. Для него „Евангеліе абсолютная истина, а безсмертіе индивидуальнаго духа есть основной его камень“. „Права личнаго человѣка также священны, какъ и міроваго гражданина“; и Бѣлинскій горячо осуждаетъ того, „кто на вошь и судорожное сжатіе личности смотритъ свысока“.

„О, пропадай это ненавистное общее, этотъ Молохъ, пожирающій жизнь, эта гремушка эгоизма“. Все болѣе и болѣе охватываетъ его сомнѣніе въ непреложности абсолютной истины Гегеля.

Подъ вліяніемъ смерти Станкевича „вопросъ личнаго безсмертія становится для него альфой и омегой истины“, и онъ „плюетъ на философію, которая обходитъ его, потому что не въ силахъ разрѣшить его“.

Умъ Бѣлинскаго кипитъ въ непрерывной и интенсивной работѣ мысли, въ страстной, мучительной провѣркѣ прежнихъ убѣжденій и замѣнѣ ихъ новыми: „я ужасно измѣняюсь, говоритъ онъ, каждая минута даетъ мнѣ новое“. Для него „настаетъ пора простыхъ признаній, и онъ уже отвергаетъ абсолютное значеніе этого таинственнаго Entsagung—(самоотреченія)“, необходимость котораго тщетно старается ему доказать Боткинъ. Наконецъ Бѣлинскій приходитъ къ рѣшительному разрыву съ своимъ прежнимъ „примирительнымъ“ направленьемъ и связанными съ нимъ взглядами общественными и литературными.

„Проклинаю мое гнусное стремленіе къ примиренію съ гнусною дѣйствительностью. Да здравствуетъ великій Шиллеръ, адвокатъ человѣчества, яркая звѣзда спасенія, эманципаторъ общества отъ кровавыхъ предрасудковъ преданья!“

„Да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма! Для меня теперь человѣческая личность выше исторіи, выше общества, выше человѣчества. Это мысль и дума вѣка“. (Къ Боткину 4-го окт. 1840 г.).

Отнынѣ всѣ силы Бѣлинскаго направлены будутъ на борьбу съ „ужасной родной дѣйствительностью“, на защиту поруганнаго достоинства человѣческой личности. „Я не сойду, не помирюсь съ пошлой дѣйствительностью“, пишетъ онъ. „Дѣйствительность, это палачъ! Борьба съ нею“ поглощаетъ теперь все его существованіе, равно какъ и „идея достоинства человѣческой личности и ея горькой участи“.

Особенно ярко эта „раздѣлка“ съ прошлыми убѣжденіями, вызывающими теперь у Бѣлинскаго чувство стыда и раскаянія, выра-

жена въ письмѣ отъ 10-го дек. 1840 г. Ему тяжела его выходка противъ Мицкевича въ „гадкой“ статьѣ о „Менцелѣ“.

Онъ съ тяжелымъ чувствомъ вспоминаетъ о „Горѣ отъ ума“, которое онъ осудилъ съ художественной точки зрѣнія, „не догадываясь, что это благороднѣйшее, гуманическое произведеніе, энергическій (и при томъ еще первый!) протестъ противъ гнусной расейской дѣйствительности, противъ чиновниковъ, взяточниковъ, баръ, развратниковъ, противъ свѣтскаго общества, противъ невѣжества, добровольнаго холопства и пр. и пр.“.

Онъ сожалеетъ, что въ „Бородинской Годовщинѣ“, „вѣрной въ своихъ основаніяхъ, не развилъ и идею отрицанія какъ историческаго права, не менѣе перваго священнаго и безъ котораго исторія человѣчества превратилась бы въ стоячее и вонючее болото“. Такимъ образомъ отвергнувъ „абсолютность результатовъ“ гегелевой философіи, Бѣлинскій остается вѣренъ ей какъ діалектической системѣ, перейдя отъ правыхъ гегельянцевъ къ лѣвымъ. Идея отрицанія все сильнѣе и сильнѣе охватываетъ Бѣлинскаго; теперь его любимыми героями становятся „Лютеръ, Вольтеръ, энциклопедисты, террористы, Байронъ — герои разрушители старыхъ жестокихъ деспотическихъ формъ жизни“.

Теперь онъ уже не только уважаетъ французовъ, но преклоняется передъ ними, какъ передъ „энергическимъ, благороднымъ народомъ, льющимъ кровь свою за священнѣйшія права человѣчества“.

Передъ нимъ теперь ясно раскрылись все недостатки „гнусной расейской дѣйствительности, этого китайскаго царства матеріальной животной жизни, чиновлюбія, крестолюбія, деньголюбія, взяточничества, безрелигіозности, разврата, отсутствія всякихъ духовныхъ интересовъ, торжества безстыдной и наглой глупости, посредственности, бездарности, гдѣ все человѣческое, сколько-нибудь умное, благородное, талантливое осуждено на угнетеніе“. Въ этомъ взглядѣ на современную русскую дѣйствительность Бѣлинскій вполне сходится съ Герценомъ и съ этого момента начинается ихъ все болѣе тѣсное сближеніе. „Бородинская Годовщина“ была „последнимъ яростнымъ залпомъ по противникамъ“, (Герценъ) съ 1841 г. Бѣлинскій вполне примыкаетъ къ нимъ.

Стремясь отнынѣ „говорить о жизни по факту, о которомъ идетъ дѣло“, бросивъ „абстрактныя общности“, Бѣлинскій естественно приходитъ къ возмущенію гнетомъ „цензуры, превратившейся въ военный уставъ о бѣглыхъ каторжникахъ и истребляющей всякую свободу мысли“.

Теперь его горячія симпатіи переходятъ на сторону ненавистной ему ранѣе „юной Германіи“, „этой благородной дружины энтузіастовъ свободы и ея поэта Гейне, отдавашагося всецѣло идеѣ достоинства личности и видящаго во Франціи цвѣтъ человѣчества“.

Придя къ заключенію о „необходимости пересмотра всѣхъ общественныхъ основаній нашего времени, о необходимости освобожденія человѣческой личности и безъ того несчастной отъ глусыхъ оковъ неразумной дѣйствительности, мѣлкія черныя и преданія варварскихъ вѣковъ“ (15 янв. 1841 г.), Бѣлинскій совершенно логично приходитъ и къ новому взгляду на женщину, онъ уже не порицаетъ „глупыя бредни сантъ-симонистовъ“, какъ въ 1839 г., а съ негодованіемъ возстаетъ противъ унижительнаго, угнетеннаго положенія женщины „жертвы, рабы новѣйшаго общества“ и его лицемерной внѣшней морали, допускающей въ бракѣ полный и безнаказанный произволъ мужчины. Онъ возстаетъ противъ „киргизъ-кайсацкаго“ взгляда на честь женщины и естественно приходитъ къ признанію великой заслуги Ж. Зандъ, „вдохновенной пророчицы, энергическаго адвоката правъ женщины“.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ 1842 г. онъ называетъ Ж. Зандъ „Іоанной д'Аркъ нашего времени, звѣдой спасенія и пророчицей великаго будущаго“.

Въ журнальной замѣткѣ 1848 г. Бѣлинскій нападаетъ на жалкое, ничтожное воспитаніе современной женщины, дѣлающее изъ нея „вещь мужа“ и на „общественный порядокъ, обрекшій женщину на исключительное служеніе любви, преградивъ ей путь во всѣ другія сферы человѣческаго существованія, между тѣмъ какъ подъ преимущественнымъ характеромъ любви и чувства она создана дѣйствовать въ тѣхъ же самыхъ сферахъ и на тѣхъ же поприщахъ, гдѣ дѣйствуютъ мужчины“. Взглядъ на женщину, на любовь, на бракъ, Бѣлинскій особенно подробно разовьетъ въ статьяхъ о Пушкинѣ, гдѣ, отрѣшившись отъ шиллеровской идеализаціи женщины, отъ романтическаго, мечтательнаго взгляда на любовь, Бѣлинскій видитъ въ женщинѣ прежде всего *человека*.

Не входя въ опредѣленіе ея гражданскихъ правъ и обязанностей, ея реального участія въ общественной жизни (что по мнѣнію Скабичевскаго составляетъ слабую сторону женскаго вопроса въ 40-хъ годахъ), онъ не ограничиваетъ ея призванія узкой семейной сферой, высоко смотритъ на мать, какъ на воспитательницу, и требуетъ, чтобы женщинѣ было „открытъ міръ общаго, міръ знанія, искусства“. Отвергая бракъ, какъ обязательство, видя

въ бракъ, не освященномъ чувствомъ, „пустую форму, лицемеріе, позоръ и униженіе женщины“, Бѣлинскій признаетъ только бракъ, основанный на разумной, свободной любви.

„Истинная любовь можетъ быть только основана на взаимномъ уваженіи другъ въ другѣ человѣческаго достоинства, отсюда равенство и свобода въ отношеніяхъ сторонъ“. Любовь, являясь свободнымъ чувствомъ свободной личности, упраздняетъ обычное понятіе о вѣрности, исключаетъ и самую ревность въ истинно-правдивномъ человѣкѣ. На этомъ основаніи Бѣлинскій осуждаетъ Татьяну за ея насиліе надъ своимъ чувствомъ во имя лицемерной общественной морали.

Ненависть къ обрядовой сторонѣ брака со всѣми его условностями ярко выступаетъ въ перепискѣ Бѣлинскаго съ его невѣстой, заставлявшей его глубоко страдать своей приверженностью къ традиціямъ и обычаямъ. Въ своихъ мечтахъ о „золотомъ вѣкѣ“, Бѣлинскій совершенно упраздняетъ бракъ во имя свободы личности, во имя высокой просвѣтленной любви, чуждой всякаго эгоизма. Онъ горячо вѣритъ въ наступленіе того свѣтлаго времени, „когда женщина не будетъ рабой общества, когда не будетъ обрядовъ, не будетъ договоровъ и условій на чувство, не будетъ долга и обязанностей, и воля будетъ уступать не волѣ, а одной любви“.

Возвращаясь къ 1841 г., мы видимъ, что Бѣлинскій, движимый глубокимъ состраданьемъ къ угнетенной человѣческой личности, приходитъ къ рѣзко выраженному „соціологическому индивидуализму“.

Признавая судьбу личности „важнѣе судебъ всего міра“, Бѣлинскій расклинается съ „философскимъ колпакомъ Гегеля“, отказывается отъ эгоистическаго самонаслажденія духомъ въ стремленіи къ личному совершенству и требуетъ отъ философіи „отчета во всѣхъ жертвахъ условій жизни, исторіи, во всѣхъ жертвахъ случайностей, суевѣрія и инквизиціи“ (1-го марта 1841 г.).

Подобно Ивану Карамазову онъ мучается проклятымъ вопросомъ о судьбѣ личности въ „побѣдномъ ходѣ цивилизаціи“. Въ порывѣ самоотверженной любви онъ „и даромъ не хочетъ счастья, если не будетъ спокоенъ насчетъ каждаго изъ своихъ братьевъ по крови“.

Здѣсь Бѣлинскій соприкасается съ Достоевскимъ, который не допускаетъ возможности міровой гармоніи, построенной на страданіи замученнаго ребенка, и который въ гордомъ своей цивилизаціей Лондонѣ содрогается отъ ужасной нищеты и разврата обездоленной меньшей братіи, отъ страданія маленькой 6-ти лѣтней дѣвочки, обреченной на проституцію.

„Годъ назадъ, пишетъ Бѣлинскій, я думалъ диаметрально противоположное тому, какъ думаю теперь“. Этотъ разрывъ съ прежнимъ міросозерцаніемъ ярко выразился въ статьѣ о „Стихотвореніяхъ“ Лермонтова 1841 г., представляющей полный контрастъ съ статьей о „Менцелѣ“.

Въ ней Бѣлинскій, требуя отъ поэзіи отклика на современную жизнь, признаетъ важное значеніе поэзіи Лермонтова въ ея связи съ современнымъ русскимъ обществомъ, въ раскрытіи его „скорби и недуговъ“, въ избыткѣ внутренняго субъективнаго элемента, „который есть признакъ гуманности“.

Видя въ „Думѣ“ Лермонтова выраженіе „грозы духа, оскорбленнаго позоромъ общества“, Бѣлинскій признаетъ теперь сатиру законнымъ родомъ поэзіи. Онъ особенно цѣнитъ въ Лермонтовѣ его „стихъ, облитый горечью и злостью“ и подчеркиваетъ большее значеніе Лермонтова, чѣмъ Пушкина для современнаго общества, признавая главнымъ достоинствомъ его теперь не объективность, а „гуманность“.

Стремясь приблизить жизнь къ идеалу, Бѣлинскій цѣнитъ поэзію Лермонтова не только за ея вопль негодованія, но и за бодрую вѣру въ жизнь. Въ этой статьѣ уже проскальзываетъ новая оцѣнка „Горя отъ ума“, „дикая, величавая природа Кавказа вдохновила оскорбленное человѣческое чувство Грибоѣдова на изображеніе апатическаго, ничтожнаго круга Фамусовскаго общества“. Эту же мысль Бѣлинскій повторитъ во „Взглядѣ на русскую литературу 1841 г.“, гдѣ, кратко касаясь „Горя отъ ума“, онъ говоритъ: „Содержаніе этой комедіи взято изъ русской жизни, паюсъ ея негодованіе на дѣйствительность, запечатлѣнную печатью старины“.

Рѣзко мѣняется взглядъ Бѣлинскаго на государство. Германію онъ теперь считаетъ „позорнымъ государствомъ“, она членъ тройственнаго священнаго союза, а „союзъ врагъ всякой свободы“. Подъ вліяніемъ развившейся въ немъ „дикой, бѣшеной, фанатической любви къ свободѣ и независимости человѣческой личности“, Бѣлинскій сочувственно относится къ французской революціи и видитъ идеаль государственности въ древнемъ, классическомъ мірѣ, основой жизни котораго была „гордость личности, неприкосновенность личнаго достоинства“. Отсюда и его взглядъ на важное воспитательное значеніе классическихъ языковъ.

Въ своемъ увлеченіи свободой личности Бѣлинскій упрекаетъ Гегеля за узкій идеаль государства какъ конституціонной монархіи“.

Въ этомъ крайнемъ увлеченіи свободой человѣческой личности еще слышится прежній идеализмъ, „гражданинъ вселенной“, не ставшій еще на настоящую реальную точку зрѣнія.

Поэтому и его „маратовская“ любовь къ человечеству не болѣе лишь какъ вспышка увлеченія и изъ нея еще нельзя выводить заключенія объ „агрессивномъ“ характерѣ „соціализма“ Бѣлинскаго, которымъ онъ начинаетъ увлекаться.

„Я теперь въ новой крайности (пишетъ онъ 24-го іюня 1841 г.), идея соціализма стала для меня идеєю идей, альфою и омегою вѣры и знанья, она поглотила и исторію и религію“, „Соціальность—вотъ мой девизъ“!

Стремясь къ гармоническому синтезу „индивидуальнаго, которое призракъ безъ общаго, и общаго, которое въ свою очередь призракъ безъ особеннаго, индивидуальнаго“, Бѣлинскій думалъ найти его въ утопическомъ соціализмѣ. „Онъ вѣрилъ всѣмъ своимъ существомъ, говорятъ Достоевскій, что соціализмъ не только не разрушаетъ свободу личности, а напротивъ возстановляетъ ее въ несслыханномъ величіи, но на новыхъ и уже адамантовыхъ основаніяхъ“.

Въ соціализмѣ Бѣлинскаго главнымъ образомъ привлекаетъ его этическая сторона.

„Въ новыя нравственныя основанія соціализма онъ вѣрилъ до безумія и безъ всякой рефлексіи, тутъ былъ одинъ лишь восторгъ“ (Достоевскій).

Глубоко страдая при видѣ „обездоленной меньшей братии, при видѣ толпы, валяющейся въ грязи“, Бѣлинскій считаетъ „человѣка не въ правѣ забываться въ искусствѣ и знаніи“. „Абсолютная жизнь въ духѣ“, сосредоточенная исключительно въ отвлеченныхъ интересахъ науки и искусства, отрѣшенная отъ активнаго участія въ общественной жизни, представляется ему теперь утонченнымъ умственнымъ сибаритствомъ, преступнымъ узкимъ эгоизмомъ. Такимъ образомъ онъ близко подходитъ къ соціальнымъ стремленіямъ шестидесятниковъ, не упраздняя въ то же время окончательно чисто эстетическаго значенія искусства и красоты, какъ средства къ нравственному воспитанію человѣка.

Теперь Бѣлинскій будетъ уже требовать отъ искусства главнымъ образомъ не красоты формы, а мысли, глубины содержанія, гуманности и горячаго отклика на всѣ общественные вопросы. Отсюда его увлеченіе Ж. Зандъ и интересъ къ такимъ писателямъ, какъ Леру, Каба, С. Симонъ, Прудонъ, Луи-Бланъ и Фурье. Отнынѣ вся его критическая дѣятельность превратится въ горя-

чую проповѣдь гуманности и борьбу съ уродливыми явленіями жизни.

Но горячо призывая золотой вѣкъ царства Божія на землѣ и вмѣстѣ увлекаясь снова „колоссальными образцами Фихте и Шеллера, пророками человѣчества“, Бѣлинскій уже не довольствуется отвлеченными, великодушными мечтами „гражданина вселенной“, такъ какъ онъ прежде всего сынъ своей страны, связанный съ нею кровною страдальческой любовью.

Русская жизнь, русское общество со всѣми его отрицательными сторонами становится главнымъ предметомъ его думъ и страданій; приблизить русское общество къ свѣтлому человѣческому идеалу, который онъ посилъ въ своей душѣ, способствовать облагораживанію и „очеловѣчиванію“ его, пробужденію національной, разумной дѣятельной жизни — вотъ то свѣтлое призваніе, которое онъ глубоко чувствовалъ и служить которому горячо призывалъ всѣ лучшіе элементы общества. Его тяготитъ оторванность близкаго ему кружка отъ современнаго русскаго общества, въ ней онъ видитъ главную причину ихъ общихъ страданій, безсилія и недостатковъ. „Безъ общества, говорятъ онъ, нѣтъ ни дружбы, ни духовныхъ интересовъ, безъ него гибнуть напрасно лучшія силы и дарованія“. „Дѣйствительность возникаетъ на почвѣ, а почва всякой дѣйствительности—общество“.

„Человѣчество есть лишь абстрактная почва для развитія души индивидуума. Человѣкъ великое слово, великое дѣло, но тогда, когда онъ французъ, нѣмецъ, англичанинъ, русскій“ (8 сент. 1841 г.).

Такимъ образомъ отъ абстрактной идеи человѣчества Бѣлинскій постепенно переходитъ къ конкретной идеѣ народа и общества, стремится стать на почву дѣйствительности.

Отсюда его страстный интересъ къ русской литературѣ, какъ выразительницѣ русскаго общественнаго самосознанія и двигательницѣ общества на пути прогресса. Онъ съ восторгомъ привѣтствуетъ въ 1842 г. появленіе „Мертвыхъ Душъ“, придавая имъ огромное „соціальное, общественное, историческое значеніе“. Преклоняясь передъ Гоголемъ, какъ бытописателемъ, „вносящимъ свѣтъ въ мракъ русской дѣйствительности“, Бѣлинскій видитъ „пафосъ поэмы въ противорѣчій общественныхъ формъ русской жизни съ ея глубокимъ субстанціальнымъ началомъ“.

Признавая отрицаніе современной русской дѣйствительности единственнымъ средствомъ къ національному возрожденію, Бѣлинскій горячо вооружается противъ квасныхъ патріотовъ, видѣвшихъ

въ „Мертвыхъ Душахъ“ злостную сатиру, а не реальное воспроизведеніе непритялдныхъ сторонъ русской жизни.

Съ неменьшимъ негодованіемъ обрушивается онъ и на К. Аксакова, искажающаго обличительный смыслъ „Мертвыхъ Душъ“, видящаго въ нихъ русскую „Иліаду“, т. е. „поэму съ положительнымъ содержаніемъ“, готоваго умиляться надъ Маняловымъ и ставящаго въ своемъ національномъ ослѣпленіи Гоголя наравнѣ съ Гомеромъ, выше величайшихъ западныхъ писателей. Между тѣмъ, какъ по мнѣнію Бѣлинскаго русскій писатель можетъ быть съ ними сравниваемъ лишь по таланту, по художественности формы, а не по содержанію своего произведенія, лишеннаго общечеловѣческаго значенія уже по самому свойству русской современной жизни. Преслѣдуя всякую фальшивую идеализацію русской жизни, способствующую сохраненію ея старыхъ отжившихъ формъ, Бѣлинскій сочувственно отозвавшись въ первой рецензіи о лирическихъ отступленіяхъ „Мертвыхъ Душъ“, отрицательно относится къ нимъ во II-ой рецензіи, замѣтивъ въ нихъ тревожный признакъ. Отъ его наблюдательнаго взора не ускользаетъ слишкомъ пристрастная любовь Гоголя ко всему русскому, гордая мечта о превосходствѣ славянскаго племени и слишкомъ легкое сужденіе о чужихъ національностяхъ.

„Кто знаетъ, какъ раскроется содержаніе „Мертвыхъ Душъ“, говоритъ онъ съ тревогой, — замѣтивъ въ Гоголѣ несоотвѣтствіе мыслителя съ художникомъ и озабоченный еще до появленія „Мертвыхъ Душъ“ недостаточнымъ образованіемъ Гоголя.

„Въ концѣ 1842—1843 г. во взглядахъ Бѣлинскаго начинается господствовать критическое отношеніе къ дѣйствительности, историческая и общественная точка зрѣнія“ (Пылинъ).

„Въ 1843 г., говоритъ Кавелинъ, талантъ, нравственная фizioномія и образъ мыслей Бѣлинскаго достигли своего апогея. Его симпатіи клонились къ Франціи, а не Германіи или Англіи. Его идеалы были нравственно-соціальные болѣе, чѣмъ политическіе“.

Бѣлинскій окончательно порываетъ съ К. Аксаковымъ и примыряется съ Бакунинымъ, примкнувшимъ къ лѣвому гегельянству, которое „должно было привести его ко всяческому совершенству“.

Соціально-нравственные вопросы становятся главными жизненными интересами Бѣлинскаго, и онъ горько жалуется на тяжелыя цензурныя условія. „Объ искусствѣ ври что хочешь, а о дѣлѣ, т. е. нравахъ и нравственности, хоть не трать труда и времени“.

Отвлеченный элементъ въ его статьяхъ исчезаетъ, уступая мѣсто насущнымъ вопросамъ современности.

Въ литературѣ онъ видитъ „всю нашу умственную жизнь, всю поэзію нашей жизни“, залогъ прогресса русскаго общества, возможность поднятія его умственнаго и нравственнаго уровня и раскрытія общественныхъ недуговъ. Онъ горячо поддерживаетъ натуральную школу за выставленные ею мотивы: „защиту раба отъ произвола господина, женщины отъ родового ига, осмѣяніе апатіи и рутины, грубаго невѣжества, отсутствіе честности, гуманности и гражданскаго чувства“ (Скабичевскій).

„Благодаря натуральной школѣ, говоритъ Бѣлинскій, литература стала сознаньемъ общества, его вѣрнымъ зеркаломъ и не только вѣрнымъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія, но и его ревизоромъ и контролеромъ“. „Она идетъ во главѣ общества и не только отражаетъ его стремленія, но и способствуетъ возбужденію въ обществѣ гуманнаго направленія въ низшихъ классахъ“.

Теперь художественная сторона произведеній отходитъ въ глазахъ Бѣлинскаго на второй планъ, уступая мѣсто содержанію. „Безъ живого, кровнаго сочувствія къ современному міру нельзя теперь быть замѣчательнымъ поэтомъ“, говоритъ Бѣлинскій, разбирая антологическія стихотворенія Майкова, „поэтъ прежде всего человѣкъ, потомъ гражданинъ своей страны“. Онъ придаетъ огромное значеніе беллетристикѣ, „проводящей въ общество человѣческія чувства и понятія“.

Въ 1845 г. онъ посвящаетъ обширную статью разбору „Тарантаса“ графа Соллогуба, затрагивающаго самые насущные вопросы тогдашней современности, дающаго картины крѣпостного права и помѣщичьяго быта, описаніе воспитанія современнаго дворянства, его отношеніе къ службѣ, къ обществу, къ русской дѣйствительности, къ Западной Европѣ. Подчеркивая фальшивый либерализмъ героя, его пошлый романтизмъ, брезгливое отношеніе къ простому народу, Бѣлинскій останавливается подробно на отношеніи крѣпостныхъ къ барину, на унижительной для ихъ человѣческаго достоинства встрѣчѣ помѣщика *на колѣняхъ* у своихъ избѣ, на полное отсутствіе въ нихъ чувства самоуваженія.

Сочувственно относясь къ изображенію авторомъ недостатковъ русскаго европеизма въ героя, его внѣшней пустой подражательности Европѣ, Бѣлинскій въ то же время является яркимъ противникомъ возврата къ старинѣ и отчужденности отъ культурнаго Запада. Отдавая справедливость „дѣльной“ книгѣ, Бѣлинскій нападаетъ на автора за фальшивую идеализацію патриархальныхъ, будто-бы

любовныхъ отношеній вѣрностныхъ къ помѣщикамъ, за пристрастное отношеніе автора къ русской старинѣ съ ея темными отрицательными сторонами, за славянофильскую идеализацію простаго народа и призывъ писателямъ „набираться мудрости“ у темной народной массы.

Противникъ обособленности сословій, Бѣлинскій сочувственно относится къ дворовому человѣку, порождающему конторщика, вольноотпущенника, затѣмъ чиновника.

Считая высшіе классы носителями культуры и видя въ этомъ ихъ важное значеніе для общества, Бѣлинскій придаетъ большое значеніе среднему, чиновничьему классу, созданному петровской реформой, являющемуся, благодаря образованію, соединительнымъ звеномъ между высшими и низшими классами народа и способствующему устраненію грубыхъ сторонъ замкнутыхъ въ себѣ сословій. Такимъ образомъ Бѣлинскій является горячимъ сторонникомъ демократическаго принципа всесословности, какъ залога человѣческаго братства. Благодаря исключительно литературному характеру русской образованности, онъ видитъ важную заслугу нашей литературы въ распространеніи гуманности, въ сплоченіи представителей различныхъ сословій въ одно сильное человѣческое и вмѣстѣ національное общество. „Образованіе равняетъ“, говорятъ онъ и горячо желаетъ для Россіи обществённости, основанной на высшихъ духовныхъ интересахъ и идеалахъ.

Горячій поклонникъ петровской реформы, въ которой онъ видитъ единственный путь къ національному развитію Россіи, Бѣлинскій отдаетъ чиновническому и дѣловому Петербургу, представителю новыхъ началъ русской жизни, рѣшительное преимущество надъ Москвой съ ея соннымъ патриархально-семеёственнымъ бытомъ.

Въ Петербургѣ, городѣ будущаго, и Москвѣ, городѣ прошлаго съ ихъ достоинствами и недостатками, онъ видитъ „двѣ стороны“ русской національной жизни. „двѣ односторонности, которыя могутъ со временемъ образовать своимъ сліяньемъ прекрасное и гармоническое цѣлое, прививъ другъ къ другу то, что въ нихъ есть лучшаго“.

Считая эпоху заимствованій изжитой для Россіи, Бѣлинскій находитъ пережитой и эпоху борьбы старыхъ и новыхъ началъ и видитъ единственный путь къ достиженію національнаго могущества Россіи въ гармоническомъ синтезѣ стараго и новаго, въ самостоятельной національной переработкѣ, заимствованной отъ Запада культуры. Онъ радостно привѣтствуетъ первую желѣзную дорогу, которая должна соединить древнюю и новую столицу, видитъ важный факторъ національной жизни въ экономическомъ развитіи страны

и съ живѣйшимъ интересомъ слѣдить за развитіемъ русской промышленности. (Въ 1847 г. Бѣлинскій въ „Отечественныхъ Запискахъ“ хвалитъ „превосходныя статьи о золотыхъ приискахъ въ Сибири“). Однакоже предостерегая общество отъ чрезмѣрнаго матеріализма, какъ и отъ беспочвенной идеальности, Бѣлинскій главнымъ двигателемъ началомъ общественной жизни провозглашаетъ высшіе нравственные и духовные интересы. Романтики и сухіе матеріалисты ему одинаково антипатичны. Идеаломъ его становится „трезвый, бодрый дѣятель, который бы смотрѣлъ на вещи прямо и любилъ бы землю, жилище наше и нашихъ потомковъ“, такимъ образомъ Бѣлинскій предпослѣдуетъ идеаль „реалиста“ 60-хъ годовъ, для дѣятельности котораго онъ расчищаетъ и подготавливаетъ почву. Вотъ почему онъ рѣшительно развѣнчиваетъ молодого Адуева и отдаетъ свои симпатіи положительному, трезвому хотя и мѣщански згодистичному Петру Ивановичу, который за отсутствіемъ другого литературнаго типа ближе всѣхъ подходитъ къ его идеалу „трезваго“ дѣятеля.

Всматриваясь внимательно въ социальную общественно-экономическую жизнь Западной Европы, Бѣлинскій приходитъ къ признанію важной роли, которую играетъ буржуазія въ этотъ переходный историческій моментъ и отъ которой, по мнѣнію его, зависятъ „всякій прогрессъ“ не только во Франціи, но и въ Россіи. „Теперь ясно видно, говоритъ онъ въ письмѣ къ Анненкову въ 1847 г., что внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи начнется не прежде, какъ съ той минуты, когда русское дворянство обратится въ буржуазію“.

Такимъ образомъ въ послѣдніе годы своей жизни Бѣлинскій отказывается отъ своего увлеченія утопическимъ социализмомъ вслѣдствіе абстрактнаго характера этого ученія и „стремится обосновать свою социальность на болѣе реальной почвѣ, на почвѣ реальныхъ экономическихъ отношеній“ (Ивановъ-Разумникъ). Онъ видитъ точки сближенія социалистовъ и славянофиловъ въ ихъ общей идеализаціи народа, въ отсутствіи элемента развитія, находитъ слабую сторону утопическаго социализма „въ абстрактномъ отрицаніи существующаго порядка вещей“, (Плехановъ) въ его неправильномъ взглядѣ на капитализмъ и отрицаніе важной роли экономическихъ отношеній.

Печальная роль французскаго народа въ событіяхъ 1830 г., его „ухудшившееся положеніе послѣ того, какъ онъ явился слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ буржуазіи, приводитъ Бѣлинскаго къ заключенію, что улучшеніе экономическихъ условій важнѣе для народа, чѣмъ пріобрѣтеніе политической свободы. Онъ приходитъ къ убѣ-

идею, что „народъ никогда нигдѣ не освобождался самъ, всегда и вездѣ все дѣлалось черезъ личности“.

Эти французскія событія еще болѣе укрѣпляютъ Бѣлинскаго въ его взглядѣ на народъ, какъ на „силу природную, естественную, непосредственную, великую и ничтожную, благородную и низкую, мудрую и слѣпую въ ея торжественныхъ проявленіяхъ, но никогда не зависящую отъ самое-себя, никогда не управляющую самою-собою“. „Народъ, сила охранительная, консервативная, противящаяся всякому движенію впередъ“. „Поэтому безъ высшихъ сословій, которымъ обезпеченное положеніе давало возможность обратить свою дѣятельность на предметы умственные, народы навсегда остались бы на первобытной ступени ихъ патриархальнаго быта“.

Освобожденіе народа можетъ совершиться только при помощи просвѣщенной гуманной личности, поэтому главной цѣлью Бѣлинскаго является воспитаніе этой нравственно-свободной гуманной личности, могущей развить лучшія народныя начала, улучшить матеріальный бытъ народа, способствовать его просвѣщенію и сближенію съ западной культурой.

Воспитанію этой личности много способствуетъ литература. Вотъ почему Бѣлинскій такъ восторженно отнесется къ Искандеру, этому „поэту гуманности“, борцу противъ жестокихъ и нелѣпыхъ предрассудковъ, преданій и отжившихъ старыхъ формъ жизни, вотъ почему онъ припишетъ такое великое значеніе „глубоко человѣческому и патетическому элементу въ творчествѣ Достоевскаго“, а также и „физиологическимъ очеркамъ“ крестьянскаго быта Григоровича, знакомящимъ общество съ этимъ бытомъ и возбуждающимъ горячее сочувствіе къ народу.

Въ связи съ этимъ взглядомъ на народъ находится и взглядъ Бѣлинскаго на народную поэзію, къ которой онъ относится отрицательно за ея узкій умственный горизонтъ, за ея „дубовую“ форму, предпочитая ей болѣе художественныя и сознательныя произведенія Кольцова, которымъ Бѣлинскій приписываетъ важное значеніе въ дѣлѣ воспитанія простолюдина. Отсюда же и его отрицательное отношеніе къ малороссійской и другимъ славянскимъ литературамъ, къ панславизму, какъ стремленію къ обособленности и посягательству на высшую западную культуру. Взглядъ Бѣлинскаго на народъ, на реформу Петра, на великое значеніе для нея западной цивилизаціи, на ея дальнѣйшее развитіе, а главное отрицательное отношеніе къ русской старинѣ должны были неминуемо привести его къ самое рѣзкое столкновеніе съ славянофилами, которыхъ Бѣлинскій въ своемъ увлеченіи нерѣдко смѣшивалъ съ представителями „официальной народности“.

Онъ горячо преслѣдовалъ ихъ за „китайзмъ“, за проповѣдь возврата къ отжитой старинѣ, за романтическую фальшивую идеализацію „русскаго народа и его прошлаго, за проповѣдь“ „спасительнаго смиренія“, за одностороннее опредѣленіе народности одними старинными обычаями, сохранившимися въ простонародьи, за отчужденность отъ Запада, за враждебное отношеніе къ петровской реформѣ, какъ насильственному, случайному акту, во всемъ этомъ онъ видѣлъ лишь губительные элементы застою и неподвижности.

Но вражда къ гуманическому космополитизму въ послѣдніе годы заставила Бѣлинскаго безпристрастно отнестись къ славянофиламъ. Въ статьѣ „Взглядъ на русскую литературу 1846 г.“ Бѣлинскій высказываетъ свое „уваженіе къ славянофильству, какъ ко всякому искреннему убѣжденію“, какъ къ доктринѣ „касающейся самыхъ жизненныхъ, самыхъ важныхъ вопросовъ нашей общественности“. Отрицая положительную сторону ихъ доктрины, выражающуюся въ мистической вѣрѣ въ народъ, въ „туманныхъ мистическихъ предчувствіяхъ побѣды Востока надъ Западомъ“, Бѣлинскій отдаетъ справедливость ея отрицательной сторонѣ, признаетъ пользу ихъ критики двойственнаго характера русскаго европеизма, ихъ указаніе на отсутствіе опредѣленнаго національнаго характера.

Безсильные отыскать корень зла, они пробудили къ этому западниковъ, устремивъ ихъ къ серьезному изученію русской исторіи и народнаго быта, въ чемъ Бѣлинскій видитъ несомнѣнную заслугу славянофиловъ.

Вооружаясь противъ беспочвеннаго, безсильнаго космополитизма, Бѣлинскій приближается къ славянофиламъ, придавая огромное значеніе самобытному національному развитію Россіи (взглядъ, который онъ провозгласилъ еще въ „Литературныя Мечтанія“ и которому остался вѣренъ до конца) и видитъ въ немъ только залогъ ея политическаго могущества.

„Онъ рѣшительно не вѣритъ въ возможность крѣпкаго политическаго и государственнаго существованія народовъ, лишенныхъ національности“, но національное отнюдь не должно являться ограниченіемъ всечеловѣческаго, а должно быть проникнуто имъ.

Славянофилы ошибаются, принимая процессъ развитія за его конечный результатъ; поворотъ къ прошлому невозможенъ, мы должны идти въ направленіи петровской реформы „перестать восхищаться европейскимъ, потому только, что оно не азіатское, но любить, уважать его, стремиться къ нему, потому только, что оно человѣческое и на этомъ основаніи, все европейское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго отвергать съ такой же энергіей, какъ и все азіатское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго“.

Бѣлинскій приближается къ славянофиламъ въ своей вѣрѣ въ великое міровое будущее Россіи, но не предопредѣляетъ его. „Мы призваны сказать міру свое слово, свою мысль, но какая она, объ этомъ пока еще рано намъ хлопотать“, онъ даже высказываетъ со всею осторожностью предположеніе, что „русскому народу предназначено выразить въ своей національности наиболѣе богатое и многостороннее содержаніе“.

Здѣсь Бѣлинскій соприкасается съ Герценомъ, видѣвшимъ на основаніи позднѣйшей безпристрастной оцѣнки въ славянофилахъ сыновей одной и той же матери, но обратившихъ всю любовь и надежды свои на ея прошлое.

Кавелинъ утверждаетъ, что Бѣлинскій раздѣлялъ и „народническую“ точку зрѣнія Герцена, высказавъ однажды въ разговорѣ, что „Россія лучше сумѣетъ, пожалуй, разрѣшить и соціальный вопросъ, чѣмъ Европа“.

Отдавая должное славянофиламъ, Бѣлинскій до конца будетъ осуждать ихъ за преклоненіе передъ „спасительной неподвижностью народа“, за отрицаніе необходимости просвѣщенія народа, въ которомъ онъ видитъ его единственное спасеніе.

Насущнѣйшимъ вопросомъ для тогдашней Россіи онъ вмѣстѣ съ лучшими представителями эпохи считаетъ освобожденіе отъ крѣпостного права. Убѣжденный, что вслѣдствіе инертности невѣжественной народной массы освобожденіе народа должно у насъ совершиться *сверху* внизъ, онъ съ живѣйшимъ участіемъ и тревогой слѣдитъ за первыми попытками правительства на этомъ пути. Признавая этотъ „великій вопросъ“ вопросомъ неотложной важности, передъ которымъ должны на время смолкнуть всѣ другія требованія, и вѣря, что благодаря провскамъ крѣпостниковъ и лицемерной двусмысленной политикѣ придворной партіи, это дѣло можетъ быть совершено лишь однимъ Государемъ, одушевленнымъ искреннимъ и твердымъ желаніемъ народнаго блага, онъ раздражительно относится ко всѣмъ проявленіямъ враждебности прогрессивныхъ къ правительству. Она, по его мнѣнію, можетъ лишь повредить осуществленію намѣченной реформы и еще большому усиленію деспотизма. Отсюда его рѣзко выраженное порицаніе Шевченю, сосланнаго на Кавказъ, отсюда же и сочувственное отношеніе къ Императору Николаю I.

Ту же временную уступку абсолютизму, по тѣмъ же соображеніямъ дѣлаетъ и Герценъ въ своей знаменитой статьѣ „Ты побѣдилъ, Галилеявичъ“.

Изъ всего вышеуказаннаго ясно становится, какой взрывъ негодованія въ душѣ Бѣлинскаго должна была вызвать „Переписка

Гоголя", негодование, которое онъ съ такимъ страстнымъ и вдохновеннымъ краснорѣчіемъ вылилъ въ своемъ знаменитомъ „Письмѣ“.

Здѣсь ярко отразился Бѣлинскій какъ человекъ и гражданинъ во всей высотѣ своей нравственной личности. Здѣсь вылились наружу всѣ его задушевные убѣжденія, здѣсь мы находимъ программу его общественныхъ и политическихъ взглядовъ.

Горячій сторонникъ цивилизаціи и гуманности въ самомъ высшемъ значеніи этихъ словъ, сознательно и глубоко любившій Россію, Бѣлинскій не могъ равнодушно отнестись къ „гнусной“ книгѣ Гоголя, которая могла гибельно отозваться на судьбѣ „рвущейся“ къ новой жизни страны.

Объясняя издачіе этой книги корыстными, низкими цѣлями заискиванья передъ правительствомъ, не подовѣвая мучительной душевной драмы Гоголя, Бѣлинскій не можетъ простить ему измѣны свѣтлой роли „великаго вождя Россіи на пути сознанія, развитія, прогресса, могущественно способствовавшаго своимъ великими прозведеніями самосознанію Россіи“.

Со всей страстностью своей любви къ истинѣ и родинѣ онъ обрушивается на Гоголя, ставшаго „проповѣдникомъ кнута, апостоломъ невѣжества“, стремящагося снова вернуть Россію на гибельный путь застоія и мрака. Осуждая Гоголя за его незнакоміе духа современной Россіи, ея насущныхъ потребностей, Бѣлинскій говоритъ: „Россія видитъ свое спасеніе въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности. Ей нужны права и законы, сообразные съ здравымъ смысломъ и справедливостью, и строгое по возможности ихъ исполненіе“.

„Самые живые, современные національные вопросы въ Россіи теперь: уничтоженіе крѣпостного права, отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, введеніе по возможности строгаго выполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть“.

Считая крѣпостное право глубоко безнравственнымъ явленіемъ, нарушеніемъ самыхъ священныхъ правъ человека, Бѣлинскій рѣзко обвиняетъ Гоголя за его оправданіе этого позорнаго учрежденія, за совѣты помѣщикамъ грубо оскорблять крестьянъ.

Проникнутый „религіознымъ“ уваженіемъ къ человѣческой личности, Бѣлинскій съ негодованіемъ отвергаетъ санкціонированіе Гоголемъ булачной расправы и горячо возстаетъ противъ царящаго у насъ судебного произвола (здѣсь Бѣлинскій близко соприкасается съ Герценомъ, нарисовавшимъ въ своихъ произведеніяхъ такую потрясающую картину русскаго безправія и горячо ратовавшаго за судебную реформу).

Понимая христіанство какъ свѣтлое ученіе „свободы, равенства

и братства“, какъ проповѣдь любви и терпимости, какъ религію внутренняго чувства и свободы духа, Бѣлинскій горячо возстаётъ противъ чисто-человѣческаго учрежденія церковной іерархіи.

Онъ рѣзко осуждаетъ систему доносовъ, „татарскую цензуру“, всѣ ограниченія свободной человѣческой личности въ тогдашнемъ русскомъ полицейско-государственномъ строѣ.

Изъ сравненія этого „Письма“ съ его „пятигорскимъ“ письмомъ 7-го августа 1837 г. ясно становится, какой громаднѣйшій путь прошелъ Бѣлинскій въ своемъ развитіи, превратившись изъ эстетика и отрѣшеннаго отъ жизни философа въ энергическаго выразителя завѣтныхъ стремленій „сдавленнаго тяжелымъ гнетомъ, рвущагося къ свободѣ русскаго общества“, въ борца за общественно-политическіе идеалы современной ему эпохи.

„Письмо“ Бѣлинскаго, получившее такое широкое распространеніе несмотря на суровый николаевскій режимъ, сыгравшее, какъ извѣстно, крупную роль въ дѣлѣ Петрашевцевъ, сдѣлалось могучимъ лозунгомъ „борьниковъ эмансипаціи и всякаго простора“, „возмущающихся зломъ и гнетомъ“, проникнутыхъ „идеями гуманности“. (Ив. Аксаковъ).

Прослѣдивъ „зигзаги развитія“ сложной, сильной личности Бѣлинскаго, мучительно переживавшаго не только умомъ, но и сердцемъ различныя этапы своей духовной эволюціи, мы убѣждаемся, что они были далеко не случайны и произвольны, но тѣсно связаны съ ходомъ развитія передовой части нашего общества 30-хъ и 40-хъ годовъ.

Періодъ увлеченія отвлеченной нѣмецкой философійю, стоившій столько страданья и борьбы глубоко реалистической, боевой натурѣ Бѣлинскаго (который по собственному признанію былъ „весь земной“), выработавшій въ немъ мыслителя и критика, имѣлъ несомнѣнно важное значеніе въ развитіи Бѣлинскаго.

Онъ былъ для его дальнѣйшей литературно-общественной дѣятельности той же необходимой подготовительной школой, какъ и вообще вся эпоха 30-хъ годовъ для прогрессивной части нашего общества, періодъ выработки сознательной критической мысли, подготовившій рядъ общественно-политическихъ дѣятелей 40-хъ годовъ.

Переживъ, переработавъ самостоятельно идеи Шеллинга, Фихте, Гегеля, Бѣлинскій до конца своей жизни остался вѣренъ діалектической системѣ Гегеля съ его ученіемъ о постоянной эволюціи всего существующаго, напряженно слѣди за движеніемъ современной умственной и общественно-политической жизни Россіи и Западной Европы.

Перейдя съ абстрактной философской почвы на „широкое поле

дѣйствительности“, онъ сталъ примѣнять не только къ литературѣ и искусству, но и ко всей „быстро несущейся жизни“ выработанные научные приемы критическаго мышленія, подвергая строгой оцѣнкѣ и провѣркѣ всякое новое ученіе, вскрывая его слабыя стороны.

Съ присущимъ ему здравымъ смысломъ, необыкновеннымъ чутьемъ дѣйствительности, способностью не только вѣрно опредѣлять, но и предугадывать логическій ходъ событій, Бѣлинскій не только воспринялъ и съ особенной яркостью и силой отразилъ, какъ въ фокусѣ, главнѣйшія умственныя теченія современной ему жизни, но и далеко опередилъ современную эпоху, явившись предвозвѣстникомъ дальнѣйшихъ путей развитія русской общественной мысли.

Въ этомъ лежитъ залогъ неувядаемой жизненности литературно-общественной дѣятельности Бѣлинскаго (несмотря на многое, что устарѣло въ ней, сохранивъ исключительно историческій интересъ), соединенной тѣсной преемственной связью не только съ эпохой 60-хъ годовъ, но и съ современной намъ эпохой, борющейся за окончательное торжество тѣхъ идеаловъ, за которые такъ страстно ратовалъ Бѣлинскій, и которые онъ съ такой силой провозгласилъ въ своемъ „геніальномъ“ ¹⁾ „Письмѣ“!..

М. Дьяченко.

¹⁾ Герцель.